

ГЛАВА III

КИЕВСКАЯ РУСЬ

3.1. СЛАВЯНСКИЕ ИСТОКИ

Мир славян, обитавших в лесах Восточной Европы, вплоть до IX века был разительно не похож на охваченный постоянной войной мир степей. Славяне не испытывали недостатка в земле и пище — и поэтому жили в мире. Необъятные лесные пространства дарили славянам изобилие; один из греческих писателей отмечал у славян «большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы»¹. «Повесть временных лет» начинается историей Руси с сакраментальной фразы: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты»². Это свидетельство летописи находит несомненное подтверждение в данных археологии. Укрепленные городища встречаются в восточнославянских землях лишь изредка, на пограничных с другими народами территориях³. По сравнению с насыщенными оружием археологическими культурами Западной Европы и степного Причерноморья, количество находок предметов вооружения у восточных славян совершенно ничтожно. Находки мечей, кольчуг, панцирей, шлемов здесь попросту отсутствуют, наконечников копий очень мало, а топоры-колуны были слишком тяжелыми, чтобы использоваться в качестве оружия⁴. Феофилакт Симокатта рассказывает, что в 591 году к византийскому императору Маврикию привели трех славян, бродивших по стране и развлекавших народ игрой на музыкальных инструментах. В ответ на расспросы они сказали, что «кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие — их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы»⁵. «Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий», — говорит русский летописец⁶.

Иоганн Гердер, в свое время описывая характер славян, утверждал, что славяне предпочитали предаваться дома мирному труду и веселью, не любили войн, воевали только по принуждению и вообще

были нрава тихого, бесхитростного, прямого — одним словом, были «голубиным народом»⁷. Конечно, соседние народы время от времени вовлекали славян в войны, и греческие историки оставили описания славян, которых гнали на войну их повелители-авары. «Они... не осмеливаются показываться вне лесов и защищенных деревьями мест, — писал Иоанн Эфесский о славянах. — Они даже не знали, что такое оружие, за исключением двух или трех дротиков»⁸. «Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, — добавляет Прокопий Кесарийский, — панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут в сражение с врагами... Они очень высокою роста и огромной силы... Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные...»⁹

Конечно, нужно сделать скидку на специфическое восприятие славян «цивилизованными» греческими писателями: это было обычное восприятие горожанами «грубых и грязных» сельских жителей — точно также эти писатели и горожане относились и к своим, греческим, крестьянам. Но в Византии, помимо деревень, населенных «мужиками», были города и была изысканная, «культурная» знать. В стране славян не было городов и знати — поэтому все славяне были «грубыми людьми». Как утверждает демографически-структурная теория, города появляются в результате перенаселения, когда безземельные крестьяне вынуждены уходить из деревни и зарабатывать на хлеб ремеслами — в том числе производством предметов роскоши, которые демонстрируют «культуру» богатых и знатных. В стране славян земли и хлеба было достаточно, поэтому у крестьян не было необходимости заниматься ремеслами; они жили натуральным хозяйством и не знали роскоши, довольствуясь домотканой одеждой и лепными горшками. Гончарное ремесло, хорошо известное на границах области восточных славян, никак не могло перейти эти границы — видимо, потому, что его продукция не находила потребителей. Позднее, когда появились города и знать, появились и обслуживавшие их гончарные мастерские — но сельское население долгое время продолжало пользоваться привычной лепной посудой, не испытывая нужды в искусных изделиях мастеров¹⁰. Так же обстояло дело и с одеждой: Л. Нидерле в свое время заметил, что для славян были характерны простая одежда и немногочисленные украшения. «Роскошные одежды и украшения встречались разве лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с соседними... народами»¹¹. Это был резуль-

тат диффузии обычаев «цивилизованных» стран. На границах славянского мира купцы «из-за моря» пытались соблазнить «лесовиков» разными диковинами и предлагали за шкурку куницы стеклянную бусинку — точно так же, как позднее европейцы торговали в Африке или Океании¹².

Однако неразвитость ремесел и жизнь на краю света, вдали от «высоких» цивилизаций, оборачивались технологической отсталостью. Это особенно проявлялось в железоделательном производстве: находки железных орудий труда — так же, как и оружия — были редкостью. Остатки домниц и горнов у восточных славян очень многочисленны и сосредоточены, в основном, в лесостепи, где сохранялись черняховские традиции. А между тем, на землях западных славян, в Малой Польше, насчитывалось несколько сот пунктов с остатками металлургического производства, на которых было найдено более полутора тысяч железоплавильных печей¹³. Это было следствием диффузии римской технологии: в рамках полиэтнической пшеворской культуры славяне заимствовали не только римскую металлургию, но также ручные жернова, возделывание новых в то время культур, ржи и овса, и некоторые другие культурные элементы. Когда в V веке пришли гунны, часть славянских (и возможно, германских) племен отступила на восток, в леса, простиравшиеся от верховьев Немана до верховьев Днепра и даже до Оки. Здесь мигранты столкнулись с балтами и построили (в общем-то, нехарактерные для лесной зоны) укрепленные городища. В конечном счете это продвижение привело к славянизации северных лесов — вплоть до района озера Ильмень, где славяне ассимилировали часть финно-угорских племен, летописной «чуди»¹⁴.

Другая волна миграции славян с запада относится к VIII веку, к периоду после падения аварской державы. Как отмечалось выше, вторжение авар в Центральную Европу сопровождалось продвижением славянских племен на запад; теперь, после разгрома авар франками, часть славян отступила на восток. «Повесть временных лет» называет франков «волохами»: «Когда волохи напали на славян дунайских и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами. Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах...»¹⁵ Западнославянские племена — дулебы, вольтыняне, поляне, древляне, дреговичи — принесли с собой перенятые ими на Дунае элементы провинциально-римской культуры, в том числе гончарную керамику и развитое железоделательное ремесло; они построили в лесостепи на Правобережье Днепра многочислен-

ные укрепленные городища и оставили после себя памятники лукирайковецкой культуры¹⁶.

Неоднократно подчеркиваемое летописью различие между обитателями лесостепи, полянами, и жившими в лесах древлянами передает глубокие отличия в хозяйстве племен, обитавших в разных природных зонах. Эти отличия наглядно демонстрируют *роль географического фактора* в становлении русской цивилизации. В зоне лесов славяне практиковали подсечно-огневое земледелие: на выбранных в лесу участках подрубали деревья, давали им высохнуть на месте, а затем сжигали. Из-за обилия несгоревших пней и корней такие участки распахать было трудно, да и не нужно — на первый год зерно просто бросали в еще теплую золу, и подсека давала прекрасный урожай: в среднем сам-12, а иногда до сам-30¹⁷. На второй год для обработки земли применялись мотыга и борона-суковатка, сделанная из ствола ели с сучьями; борону волочили по огнищу, чтобы разрыхлить почву. Одновременно где-то поодаль готовилась новая заимка; на третий год урожай со старой подсеки резко падал, и нужно было переходить на новое место. Таким образом, при подсечном земледелии не использовались ни плуги, ни лошадиная запряжка: это было ручное мотыжное земледелие. Частая смена участка требовала больших пространств; при этом время от времени приходилось перемещать деревню поближе к подсеке. «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства... — свидетельствует Прокопий Кесарийский. — В древности оба эти племени называли спорами („рассеянными“), думаю потому, что они жили, занимая страну „спораден“, „рассеянно“, отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много»¹⁸.

Расчистка подсеки в девственном лесу требовала совместного труда большого коллектива, поэтому земледельцы жили родовыми общинами или большими семьями; в XIX веке на севере России такие семьи насчитывали 20–30 человек¹⁹. В IX веке в лесном Поднепровье деревни располагались по берегам рек; они были довольно большими и насчитывали десяток-другой дворов — это были поселения общин, занимавшихся подсечным земледелием²⁰. Общину крестьян-земледельцев называли «миром» или «вервью»; в то время она состояла по большей части из кровных родственников, умерших хоронили в одном кургане, и среди захоронений не было таких, которые бы выделялись своим богатством²¹. Как отмечалось выше (в п. 1.6) совместный труд всех членов общины-семьи при подсечном земледелии предполагал равенство и коллективизм. «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут

в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», — свидетельствует Прокопий Кесарийский²².

Жизнь славян в стране холодных лесов красноречиво описал Ибн Русте, один из первых арабских историков, оставивших сведения о России. «Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей (то есть на подсеке землю не пашут — *С. Н.*) ... И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед... И они народ, пасущий свиней, как (мы) овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают... Большая часть их посевов из проса... Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели... Их хмельной напиток из меда... Рабочего скота у них совсем немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека (вождя — *С. Н.*). Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют... В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба... разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают даже одежду»²³. Как видно из текста, сведения Ибн Русте об отсутствии у славян оружия и их пристрастии к игре на музыкальных инструментах удивительным образом перекликаются с рассказом Феофилакта Симокатты. При этом арабского историка больше всего удивляли мед и бани — как отмечалось выше, закрытые печи и срубные бани были изобретением славян, позволявшим им выживать на суровом севере.

Жизнь обитавших в лесостепи «полян» существенно отличалась от жизни «древлян» — прежде всего тем, что поляне использовали другую систему земледелия — переложно-пахотную²⁴. В лесостепи не было необходимости затрачивать большие усилия на расчистку участка, и кроме того, здесь можно было применять лошадиную запряжку и рало, что резко увеличивало производительность труда. В поймах рек, где плодородие почв восстанавливалось речными наносами, имелась возможность использовать постоянные пашни — поэтому славяне предпочитали селиться на речных берегах²⁵. Крестьянин, имевший лошадь, мог без труда прокормить свою семью, работая в одиночку — поэтому здесь можно было жить малыми семьями²⁶. Кроме того, пахотное земледелие не требовало таких больших пространств, как подсека, и допустимая плотность населения в лесостепи была гораздо больше, чем в лесных областях; люди могли селиться плотнее; села могли состоять из десятков и сотен изб.

Переселение в южные лесостепи было мечтой для многих поколений славян — но на этом пути часто вставали непреодолимые препят-

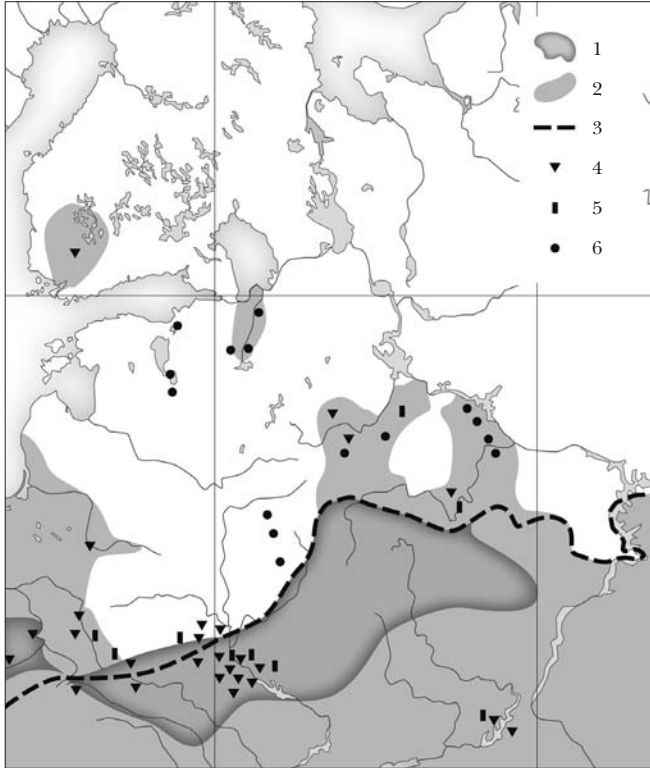

рис. 3.1. Отмеченная пунктиром (1) граница лесов делит страну славян на две различные хозяйственные зоны. Южнее границы расположен пояс черноземных почв (2), здесь было возможно плужное земледелие (3) и имеются многочисленные находки плужных ножей (4) и лемехов (5). Севернее границы, в лесной зоне, преобладало подсечное мотыжное земледелие, и здесь имеются лишь редкие находки сошников (6)²⁷.

ствия. Степи и лесостепи были вотчиной кочевников, и орды латных всадников обладали полным военным превосходством над вооруженными лишь парой дротиков славянами-пехотинцами. При таком соотношении сил славяне могли жить в лесостепи, только подчиняясь и платя дань ее хозяевам — скифам, готам, аварам, булгарам, хазарам (а потом — монголам). Мало того, постоянные нашествия новых орд, катившиеся по степи с востока на запад, как правило, приводили к гибели славянских селений и к бегству уцелевших жителей в се-

верные леса. Новые завоеватели преследовали беглецов и устанавливали очередное «иго» над ближайшими к степи лесными племенами; через некоторое время покорные данники могли снова приступить к колонизации лесостепи — и все повторялось сначала. В лесостепи происходило постоянное смешение славян с племенами завоевателей, поэтому антропологический тип южных славян был близок к иранскому и отличался от типа лесных славян, который имел больше сходства с обликом поляков и балтов²⁸.

Прокатившаяся по степи в VII веке хазарская волна открыла очередную цикл истории лесостепных славян. Он начался колонизацией земель по левобережным притокам Днестра, а потом — по Северскому Донцу и верхнему Дону. Вскоре здесь возникли многолюдные поселения племен, плативших хазарам дань; эти племена позаимствовали у живших по соседству алан гончарное и железоделательное ремесла и дали начало новой, волынцевской, культуре. Конечно, уровень ремесел у славян был более низким, чем у алан, и в кузнечном деле преобладали более простые технологические схемы, в частности, наварка стального лезвия на железную основу ножей²⁹. Тем не менее волынцевская культура была самой развитой в славянском мире — но расцвет этой культуры продолжался недолго. В конце IX века пришли новые завоеватели, печенеги, которые заставили славян отступить с Дона и укрепить поселения на левобережье Днестра. Племена — носители роменско-борщевской культуры, северяне и вятичи, долгое время сопротивлялись наступлению печенегов, но в 960-х годах с запада пришли русы. Многие славянские городища погибли в пламени, другие были покинуты — наступила эпоха Киевской Руси³⁰.

3.2. СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОКИ

Кто же были эти пришедшие на Днепр русы? «Вопрос о происхождении термина „Русь“ в нашей историографии, к сожалению, довольно искусственно запутан, — пишет А. П. Новосельцев на страницах популярного учебника. — Ныне, однако, в общем вполне доказано, что термин этот пришел с севера: так называли финские аборигены пришельцев из Скандинавии, а от них этот же термин стал использоваться и славянами первоначально в том же смысле»³¹.

Наряду с Великой степью, суровая «Северная пустыня», Скандинавия, была «страной, извергающей народы». Эти народы — потомки когда-то пришедших в Скандинавию индоевропейцев — покидали

свою бесплодную родину, пытаясь найти средства к существованию в других странах; как упоминалось выше, одним из таких народов-беглецов были готы.

Скандинавы жили небольшими сплоченными родами, объединявшими родственников трех-четырёх поколений; вместе с женщинами и рабами род насчитывал несколько десятков человек и размещался в доме, длина которого могла достигать 30, а ширина — 10 метров. Родовая усадьба («гард») была окружена крепкой оградой; принадлежавшая роду земля называлась «одадем», а за пределами одаля простиралась ничейная земля — «альменинг». Глава рода, «бонд», обладал патриархальной властью над другими членами рода, он имел несколько жен и восседал за общим столом на украшенном столбами священном сиденье. Роды объединялись в племена, которые возглавляли выбираемые на собрании племени, «тинге», вожди — конунги или ярлы. Конунги и их дружина кормились, объезжая по очереди родовые усадьбы и получая от бондов угощение на пирах — «вейцлу». Дружинник-«варинг» давал клятву верности («вар») и не должен был возвращаться живым из боя, в котором пал вождь — это было высшим проявлением «асабии» скандинавов. После смерти конунгов или ярлов их тела клали в ладью, которую наполняли жертвоприношениями, а затем сжигали; над могилой насыпали курганы — как в Великой Степи³².

Основным фактором, определявшим жизнь рода, был голод. Так же, как в Великой Степи, разведение скота не могло прокормить постоянно растущее население. Чтобы избавиться от лишних ртов, новорожденных часто относили в лес и оставляли там на произвол судьбы. Скандинавские хроники постоянно говорят о голоде; голод 976 года в Исландии сопровождался массовыми убийствами стариков: род не мог содержать старых и немощных. Чтобы не быть в тягость роду, старики обычно сами искали смерти в бою. Голод приводил к схваткам за пастбища и к постоянной войне родов, обычной кровной мести сохранялся в Скандинавии до конца Средних веков. Жестокость не знала никаких границ; войны зачастую оканчивались сожжением побежденного рода в осажденной усадьбе; ради победы в войне богам приносились человеческие жертвоприношения. В V–VIII веках Скандинавия была покрыта укреплениями из камня, земли и дерева — в этих укреплениях население спасалось от врага во время больших межплеменных столкновений³³.

Перемены, происходившие в жизни скандинавских народов после исхода готов, были медленными и поначалу незаметными; они были связаны главным образом с распространением на север римской про-

винциальной культуры. Одним из компонентов этой культуры была металлургия железа: в V–VI веках стало развиваться производство железа на базе богатых руд Средней Швеции. На берегу озера Меларен, в Хельге, возникло поселение ремесленников, плавивших руду; поковки и руду отсюда отправляли на Готланд, где кузнецы изготавливали топоры и мечи, а также и полуфабрикаты из кричного железа — эти товары расходились из Средней Швеции по всему Балтийскому побережью³⁴. Топоры с наваренным стальным лезвием были одновременно оружием и главным орудием труда: они позволяли расчищать участки земли от леса, а также тесать доски и строить корабли.

Корабль с головой дракона, «дракар», был фундаментальным достижением тех времен, но путь к его созданию был долгим и непростым. Суда скандинавов не имели палубы и по конструкции были большими мореходными лодками. Первая лодка такого рода была найдена археологами в торфянике Ньюдем в Дании и датируется IV в. н. э. Она имела длину 22,8 м, ширину 3,2 м, высоту борта 1,1 м и 30 мест для гребцов. Судно было построено на одной мощной килевой доске, с досками обшивки, расположенными внакрой, в «клинкер». Такую большую лодку удалось построить потому, что доски обшивки крепились не деревянными нагелями, как раньше, а стальными заклепками с клинк-шайбами — появление этих заклепок было еще одним свидетельством наступления железного века. Но лодка из Ньюдема не имела паруса, и ее мореходные возможности были невелики: дневной переход для такой лодки составлял 40–60 км, в то время как для лодки с парусом он равнялся 100–120 км³⁵.

Чтобы использовать парус, нужно было увеличить размеры лодки, а увеличение размеров предъявляло новые требования к прочности конструкции. Несколько столетий понадобилось для того, чтобы вошли в употребление переборочные шпангоуты и мощная планширная доска, проходившая по верхнему борту; было создано специальное крепление для мачты, которую приходилось снимать во время шторма. В VIII веке появились первые парусные дракары, о дальнейшем развитии конструкции которых дает представление корабль, найденный близ Гокстада. Длина этого корабля составляет 23,3 м, ширина — 5,2 м, высота борта — 2,1 м, то есть при той же длине корабль имел примерно втрое большее водоизмещение, чем корабль из Ньюдема; он был намного более устойчив и гораздо менее чувствителен к штормам. Гокстадский «дракар» имел 32 весла, но мог брать на борт до 70 человек, и экипаж мог грести по очереди. Осадка судна составляла лишь 0,9 м, то есть корабль, как большая лодка, мог плавать по мелководью и приставать к берегу в любом месте; дракар мог под-

ниматься вверх по течению небольших рек, и в случае необходимости его можно было перетаскивать по волокам через водоразделы³⁶.

Каковы были последствия создания дракара? Как отмечалось выше, скудость природы Скандинавии постоянно приводила к голоду и жестоким междоусобным войнам. Изобретение дракара открыло для воинственных северян всю Европу; переполнявшее Скандинавию демографическое давление вырвалось наружу в виде катастрофической волны завоеваний. Современники хорошо понимали, что причиной нашествия было перенаселение и голод. В набеги шли «викинги», «люди залива» или «люди моря» — молодежь, которой не хватало отцовской земли. «Отцы их гонят, чтобы они набрасывались на царей других народов, — писал французский летописец. — Их отсылают без всякого добра, чтобы они на чужбине добыли себе богатство. Их лишают родной земли, чтобы они спокойно разместились в чужой... Возбуждается мужество юношей на истребление народов. Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, наводненные многочисленным врагом. Обезлюживается все, что попадает им на пути. Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земли. В одной стране они грабят, в другой сбывают...»³⁷

Началом набегов «людей с севера», «норманнов», считается нападение на остров Линдисфарн у побережья Британии в 793 году. Это означало, что корабли викингов оказались способны напрямую пересечь Северное море — для этого требовалось шесть дней плавания в открытом море³⁸. В то время такое плавание было еще не простым делом: в следующем году пытавшаяся повторить набег флотилия была разбита бурей. Но дракары быстро совершенствовались, и в 810 году датский конунг Готфрид привел к берегам Фрисландии флот из более чем двухсот кораблей³⁹. Тактика викингов была основана на внезапности: флотилия неожиданно подходила к мирному берегу, и воины обрушивались на беззащитные города и села, подвергая их беспощадному разграблению — если же противник собирал большие силы, то викинги могли вернуться на свои суда и искать другое место для нападения. «Послал всемогущий бог толпы свирепых язычников датчан, норвежцев, готов и шведов, вандалов и фризов... они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей», — писал в хронике «Цветы истории» Матвей Парижский⁴⁰. «Викинги не щадят никого, пока не дадут слова щадить, — говорит английская хроника. — Один из них часто обращает в бегство десятерых и даже больше. Бедность внушает им смелость, скитания делают невозможной правильную борьбу с ними, отчаяние делает их непобедимыми»⁴¹.

Европа была охвачена ужасом; в 888 году собор в Меце постановил повсеместно включить в текст богослужения слова: «**A furore Normannorum libera nos, o Domine! (И от жестокости норманнов избави нас, Господи!)**»⁴². Викинги обычно не брали пленных; сдававшихся воинов, монахов, детей приносили в жертву варварским богам. Исключение делалось для молодых женщин — их грузили на корабли и везли на рабские рынки в Хедебю и Бирке. В первой половине IX века викинги разграбили и сожгли все значительные поселения Европы — Париж, Лондон, Нант, Руан, Квентовик, Дюрстед, Лиссабон, Севилью. Вслед за кратковременными набегами началось планомерное завоевание. В 840-х годах была покорена восточная Ирландия, в 870-х годах — почти вся Англия, в начале X века — Нормандия⁴³.

Тактика завоевателей в Англии и Нормандии заключалась в создании системы бургов и замков с тем, чтобы закрепить за собой страну. Викинги занимали эти укрепления и, опираясь их на них, опустошали окрестности до тех пор, пока население не соглашалось платить дань⁴⁴. Подчинив таким образом Нормандию, вождь викингов Рольф заключил договор с французским королем, крестился и признал себя вассалом короны — за что получил право неограниченно владеть своим уделом («одадем»). Далее, как это обычно бывает при завоевании, начались процессы социального синтеза. Рольф приказал собрать старые законы и выразил желание править согласно «Салической правде». После смерти Рольфа группа его старых соратников попыталась было поднять мятеж против перенимания франкских обычаев, но эта попытка традиционалистской реакции была быстро подавлена. Викинги женились на француженках; их дети усваивали французский язык, и через некоторое время потомки завоевателей превратились во французских рыцарей и графов⁴⁵. Этнические различия как будто исчезли — но на деле они превратились в социальные различия; потомки завоевателей стали правящим сословием нового общества, а покоренное население превратилось в неполноправное податное сословие. Такое развитие событий характерно для истории многих стран — и как мы увидим далее, Россия не была исключением.

Социальный синтез сопровождался процессами диффузии, протекавшими в различных направлениях. Викинги передали французам свою судостроительную технику и навыки мореплавания, которые позволили в XI веке завоевать Англию. Со своей стороны, они позаимствовали военную технику империи Карла Великого, прежде всего стальные мечи, кинжалы-скрамасаксы и кольчуги. Лучшие мечи в то время производили в Рейнской области, где было несколько

ко железоделательных центров, в том числе знаменитые мастерские (или группа мастерских) Ульфберта. Рейнские металлурги в совершенстве освоили технологию получения сварочной стали путем нагрева крицы с углем в кузнечном горне. При высокой температуре углерод диффундировал в железо и на поверхности крицы появлялся слой стали. Затем мастер охлаждал крицу в воде; после такой закалки сталистый слой становился хрупким, и его можно было отделить с помощью ковки. Далее стальные пластины сваривали, чтобы получить заготовку необходимого размера. При изготовлении мечей и ножей использовали метод «трехслойного пакета» — расположенную посередине стальную полосу ковали вместе с двумя полосами фосфористого железа; железо обеспечивало мечу прочность, а сталь придавала лезвию необходимую остроту⁴⁶.

Франкские мастера умели украшать свои клинки орнаментом из золота или латуни — это и служило отличительным признаком рейнских изделий. Множество рейнских мечей досталось викингам в качестве трофеев, и через некоторое время — вероятно, с помощью пленных мастеров — в Скандинавии было налажено производство качественных стальных клинков — правда, без излишних украшений. Меч стал ритуальным оружием скандинава, которое передавалось от отца к сыну. Теперь многие викинги были вооружены стальными мечами и одеты в кольчуги; они превратились в тяжеловооруженных пехотинцев, и это обусловило военное превосходство скандинавов над многими европейскими народами⁴⁷. Однако в Западной Европе военная техника викингов не могла принести им решающей победы: во-первых, франки тоже обладали стальными мечами, а во-вторых — и это главное — западноевропейские народы имели рыцарскую кавалерию. В противостоянии двух военных технологий, скандинавской и западноевропейской, рыцари, как правило, одерживали победу над пехотинцами. Скандинавы могли совершать внезапные набеги, но им приходилось отступать при приближении рыцарской конницы. Викингам удалось закрепиться в Нормандии лишь потому, что Франция была охвачена феодальной усобицей, но в Германии они были разбиты в битве при Левене и сброшены в море⁴⁸.

Однако там, где не было рыцарской конницы, на востоке Европы, викинги без труда одерживали победы. «Житие святого Ансгария» сообщает о походе датчан в 840-х годах: «Выпал им жребий отпра-виться в отдаленные крепости земли славян. Совершенно неожиданно обрушились они там на мирных беззаботных туземцев и вернулись, обогащенные награбленной добычей...»⁴⁹. Уже в VIII веке свеи и готландцы вторглись в Курляндию и, подчинив куришей, основа-

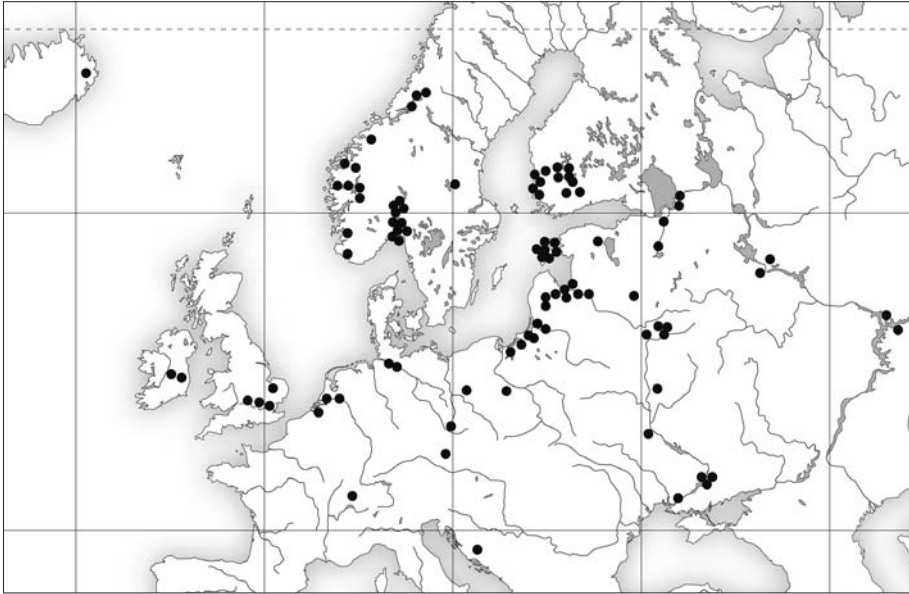

рис. 3.2. Находки мечей Ульфберта в Европе указывают на пункты пребывания викингов. Особенно богато такими находками побережье Пруссии и Курляндии. На Руси они располагаются вдоль волго-балтийского и днепровского путей.

ли поселение в Себоге, поблизости от Лиепаи. Крупные скандинавские поселения возникли в землях прусских племен в районе Эльблонга и в низовьях Немана. Викинги утвердились в Поморье в устье реки Паренть, на острове Рюген, в восточном Гольштейне⁵⁰. Литовская «Хроника Быховца» рассказывает об основании литовского государства «дворянами, прибывшими из-за моря», которые стали ставить замки и покорили местные племена⁵¹. По-видимому, викинги подчинили часть балтских и славянских племен на побережье Балтийского моря и заставили их платить дань. Эту дань и захваченных пленников они пытались реализовать на далеких рынках: на рубеже VIII–IX веков славянские и балтские рабы, «сакалиба», стали поступать на рынки мусульманской Испании⁵².

Многие прибалтийские племена, пытаясь сопротивляться нашествию, строили укрепленные городища и, перенимая оружие варягов, развивали железодельное производство⁵³. Славяне с острова Рюген пытались копировать корабли викингов, но их суда имели намного меньшие размеры. Сохранившаяся ладья из Ральсвика по водоизмещению была примерно в восемь раз меньше корабля

из Гокстада, и доски обшивки крепились не стальными заклепками, а деревянными нагелями⁵⁴ — это судно не могло выдержать долгого плавания в штормовом море. Как бы то ни было, миграционная волна нашествия, вызванного изобретением дракара, оставила четкий след в судьбе и в генотипе народов южной и восточной Балтии. Современные генетические исследования показывают, что в жилах этих народов течет большой процент скандинавской крови — гораздо больший, чем у покоренных викингами жителей Нормандии⁵⁵.

3.3. ЗАВОЕВАНИЕ СТРАНЫ СЛАВЯН

«В одной стране они грабят, в другой сбывают...» — писал о викингах французский летописец⁵⁶. Для реализации взятой в набегах добычи нужно было ехать в дальние страны — туда, где у викингов не было репутации кровожадных разбойников и где согласились бы торговать с ними. Торговля мехами и рабами давала наибольшую выгоду в богатых странах, в Византии или на мусульманском Востоке — поэтому викинги искали путь на Восток. Этот путь открылся в середине VIII века, когда прекратились арабо-хазарские войны, и еврейские купцы-рахдониты освоили дорогу из Персии по Каспийскому морю и далее по Волге в Булгарию. Первоначально по этому пути везли главным образом меха, которыми булгары, славяне и угры платили дань хазарскому кагану, а потом он стал торной дорогой для всех купцов, искавших торговой прибыли⁵⁷.

От Скандинавии до Булгара можно было добраться водным путем: дорога шла от Финского залива по Неве и Свири к Белому озеру и далее вниз по Волге. Уже в середине VIII века на этой дороге появилась первая скандинавская фактория, которую позже называли Альдейгьюборг, «крепость на Ладоге». Однако первоначально здесь не было крепости: это было неукрепленное поселение. На поселении существовала судоремонтная мастерская, и археологи обнаружили следы кузницы с богатым набором инструментов, а также множество заклепок для обшивки дракаров — такие инструменты и заклепки служат своеобразным маркером присутствия скандинавских судостроителей⁵⁸. Уже во второй половине VIII века в районе Ладоги появились домницы и было налажено производство орудий из сварной стали по технологии «трехслойного пакета»⁵⁹. К этому же времени относятся клад арабских дирхемов и следы стеклодельной мастерской — свидетельства налаженной торговли с мусульманским миром. Характерно, что ладожские стеклоделы пользовались восточной тех-

нологией⁶⁰; как отмечалось выше, еврейские купцы создали производство стекла в Хазарии и стеклянные бусины обменивались у угров и славян на меха. Надо полагать, что скандинавы переняли у иудеев эти торговые приемы: количество бус, найденных в Ладоге, очень велико, и они явно производились для обмена⁶¹.

На волго-балтийском пути имелись и другие поселения скандинавов, помимо Ладоги. На Шексне близ поселения Крутик существовала скандинавская фактория с кузницами, здесь также как в Ладоге, делали стальные ножи, на которые выменивали у угров меха⁶². Многочисленные следы присутствия скандинавов обнаружены на Сарском городище и близ Тимерева в Ростовской земле. Характерно, что в Тимеревском могильнике имелось большое количество погребений скандинавских женщин — вероятно, шведские колонисты приезжали на Волгу с семьями⁶³. Действительно, генетические исследования показывают наибольшую на территории Киевской Руси концентрацию «скандинавских» геномов именно в районе Ростова и Ярославля — она здесь примерно такая же, как в Нормандии⁶⁴.

Земли у Ладоги и вдоль волго-балтийского пути в то время принадлежали угро-финским народам, которые звали скандинавов «русью». Финское *guotsi*, саамское *guossa*, эстонское *roots*, водское *rotsi*, ливское *guots*, карельское *rotsi* одинаково означает «швед, Швеция»; это слово происходит от шведского *guþs* — «гребцы»; оно первоначально означало экипаж дракара, а позже — «морское ополчение», «войско»⁶⁵. Мусульманские купцы в Булгаре, по-видимому, переняли этот этноним у угро-финнов; они называли норманнов «ар-рус». Мусульманские источники IX века говорят о том, что русы спускались по Волге до столицы хазар, Итиля, и достигали торговых городов на берегах Каспийского моря⁶⁶. Они везли на продажу меха, рабов, мед, воск, янтарь с побережья Балтики и стальные клинки шведского и франкского производства⁶⁷. В обратном направлении, на Балтику, поступали шелк, стеклянные изделия, ткани, драгоценные украшения, пряности и огромное количество монет, серебряных дирхемов, которые находят в кладах Скандинавии. Первоначально торговля носила в основном транзитный характер; местные товары, которые можно было получить в Приладожье, — это были меха и рабы. В начале IX века на Волхове выше Ладоги появилось укрепленное поселение скандинавов, которое позже называли Треллеборг, «Холопий городок»⁶⁸ — вероятно, отсюда производились набеги с целью захвата рабов. Эта местность среди болот и озер, по мнению Г. С. Лебедева⁶⁹, как нельзя более соответствует описанию арабского историка Ибн Русте: «Что же касается ар-Русийи, то она находится на остро-

ве, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги»⁷⁰.

Помимо Ладоги и Волхова существовал и другой путь проникновения викингов в славянские земли. «Повесть временных лет» говорит, что прямая дорога в страну варягов ведет по Двине и Днепру⁷¹ — и действительно, здесь рано появились поселения скандинавов. Крупнейшее из них относится к первой половине IX века, оно находилось в Гнездове, близ теперешнего Смоленска; здесь, как и в Ладоге, были найдены остатки судоремонтных мастерских и большие курганы с типично скандинавскими захоронениями. Путь по Двине и Днепру шел к Черному морю и Константинополю; судя по находкам византийских монет, он начал использоваться в 830–840-х годах⁷². «Бертинские анналы» под 839 годом упоминают о посольстве в Константинополь некоего «хакана росов», которое на обратном пути попало к франкскому двору и, как выяснилось, состояло из шведов⁷³. Очевидно, «хаканом» был какой-то шведский конунг, назвавший себя так в подражание хазарскому хакану, но сам факт появления посольства в Константинополе означал, что скандинавы нашли дорогу по Днепру к Черному морю — путь «из варяг в греки».

До этого времени интерес норманнов к землям восточных славян ограничивался в основном волжско-балтийской торговлей. Теперь же возможность использовать днепровский путь для нападения на богатые области Византии резко изменила геополитическую ситуацию. Нашествие викингов на Европу принимало все большие масштабы; отправлявшиеся из Скандинавии флотилии искали новые пути и объекты для грабежа. Конечно, кто-то из скандинавских конунгов должен был воспользоваться открывшимися новыми возможностями. Считается доказанным, что этим первопроходцем стал Рёрик Ютландский, владетель Дорестада в Фрисландии, прозванный «желчью христианства» за свои кровавые подвиги на Западе⁷⁴.

«Повесть временных лет» рассказывает легенду о добровольном приглашении Рюрика славянами и чудью. По летописи, «варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей». Но в 862 году славяне и чудь восстали: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть». Однако затем, говорит летопись, среди славян начались усобицы: «И вьста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: „Поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил, по ряду по праву“. Идоша за море к Варягом, к Руси... Ркоша Русь, Чюдь, Сло-

вене, Кривичи, и вся: „Земля наша велика, и обилна, а наряда в ней нет. Да пойдите княжит и володеть нами“. И избрашася трие брата с роды своими, и пояша по собе всю Русь, и придоша к Словеню первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другии Синеус на Белеозере, а третьей Трувор в Изборьске, и от тех Варяг прозвася Руская земля. По дьвою же лету умре Синеус, и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришел к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша Новгород. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости, и города рубити; овому Полътеск, овому Ростов, другому Белоозеро»⁷⁵.

Сказание о призвании «руси» вызывает обоснованные сомнения историков: оно слишком похоже на передаваемую Видукиндою Корвейским легенду о приглашении саксов в Британию. Послы бриттов приглашают саксов почти теми же словами, которые летописец Нестор вкладывает в уста славянских послов: «Нашу землю, которая велика и обширна, и всем обильна, мы подчиняем вашей власти»⁷⁶. По мнению многих историков, сообщение Нестора о том, что Рюрик прибыл с двумя братьями, Синеусом и Трувором, является неверным пониманием скандинавского источника, которым пользовался летописец: «сине хус» означает «со своим домом», а «тру варинг» — «с верной дружиной»⁷⁷. «Легенды о трех братьях, призванных княжить в чужую страну, были очень распространены в Северной Европе в средние века... — отмечал Б. А. Рыбаков. — Во всех случаях иноземцы прибывали со своими родичами („синеусами“) и верной дружиной („труварами“)... Норманнские набеги на северные земли в конце IX и в X веке не подлежат сомнению. Самолюбивый новгородский патриот мог изобразить реальные набеги „находников“ как добровольное призвание варягов северными жителями для установления порядка»⁷⁸.

Кроме того, поведение Рюрика совершенно не соответствует облику приглашенного князя: он вовсе не управляет «по ряду» (то есть по договору), он властвует один, строит («рубит») города и раздает их своим «мужам». Конечно, у славян тогда не было настоящих городов в средневековом понимании этого слова; в то время славяне понимали под «градами» любые укрепленные пункты; некоторые историки полагают, что славянское слово «град» произошло от скандинавского «гард» — «укрепленный двор», хотя возможно, что имело место лишь смысловое смешение близких по произношению слов — контаминация⁷⁹. «Строительство городов» — это была обычная стратегия викингов, применявшаяся ими ранее в Нормандии и Англии: норманны строили небольшие укрепления, где размещались воен-

ные отряды, заставлявшие окрестное население платить дань⁸⁰. Археологические данные свидетельствуют о том, что приход русов повсеместно сопровождался разрушением славянских общинных центров и появлением на их месте княжеских крепостей — этот процесс называют «окняжением» славянских земель⁸¹. Как отмечалось выше, на верхнем Днепре в VIII веке существовало множество (десятки, если не сотни) укрепленных городищ — к X веку осталось только шесть из них, превратившихся в княжеские замки⁸².

Процесс постепенного подчинения славянских племен русами очень скупо отражен в источниках. Вероятно, Рюрик построил укрепленное Рюриково городище на острове посреди Волхова; это городище вместе с возникшим позднее «Новым городом» («Новгородом») скандинавы называли Холмгард («Островная крепость»)⁸³. Никоновская летопись сообщает, что в 864 году славяне восстали против Рюрика, но варягам удалось подавить восстание⁸⁴. Преемник Рюрика Хельги (Олег), присоединив к своей варяжской дружине воинов из славян и чуди, спустился вниз по Днепру и в 882 году овладел Киевом. «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет это мать городам русским“. И были у него варяги, и славяне, и прочие, *прозвашиеся русью...*»⁸⁵ Таким образом, с этого времени «русью» стали называться все дружинники варяжских конунгов, независимо от происхождения; прежде же дружина — это были варяги (давшие клятву верности «варинги»)⁸⁶.

«Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, — продолжает летопись. — В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице. В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам... В год 6393 (885). Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: „Кому даете дань?“. Они же ответили: „Хазарам“. И сказал им Олег: „Не давайте хазарам, но платите мне“. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал»⁸⁷.

Однако для многих варяжских вождей главной целью было не покорение страны славян, а походы на Константинополь. Едва «сев» в Новгороде, Рюрик послал в набег на византийскую столицу своих «бояр» Аскольда и Дира. Хронист Иоанн Дьякон писал, что «в это время народ норманнов на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое количество народу,

и так с триумфом возвратились восвояси»⁸⁸. В 907 году Олег возглавил огромный флот — как говорит летопись, две тысячи кораблей с сорока воинами на каждом⁸⁹. Основную массу этого войска, очевидно, составляли не киевские русы, а норманны, пришедшие из Скандинавии ради похода на Константинополь: Киевская Русь никогда не была в состоянии выставить 80 тысяч воинов. Это воинство разграбило окрестности византийской столицы, после чего был заключен мирный договор. Летопись приводит этот договор между греками и «русскими», из которого видно, что это были за «русские»: «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского...»⁹⁰ Договор обеспечивал сбыт славянской дани: он давал русским купцам право беспешинной торговли в Константинополе и гарантировал сохранность их товаров — в том числе гарантировал розыск бежавших рабов⁹¹.

Составлявшие основную часть Олегова войска скандинавы не удовлетворились взятой с греков контрибуцией и отправились за добычей на Каспий. В 913 году пятьсот дракаров прошли через Дон и Волгу в Каспийское море, и викинги разграбили берега Ирана. Однако на обратном пути норманны и русы подверглись нападению гвардии хазарского кагана — и были почти полностью истреблены⁹².

Походы русов проходили при мощной поддержке скандинавов — они были продолжением норманнской экспансии, той мощной волны завоеваний, которая была вызвана изобретением дракара. Если верить летописи, Олег умер в 913 году, и ему наследовал сын Рюрика Игорь (Ингвар). В 941 году норманны и русы снова пытались атаковать Константинополь; они были отражены «греческим огнем», сжегшим сотни кораблей. «Будто молнию небесную, — говорили уцелевшие русы, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их»⁹³. Повторный поход завершился мирным договором 944 года; в нем упомянуты 52 варяжских имени и лишь два — славянских⁹⁴. После начала переговоров о мире принимавшие участие в походе норманны снова ушли в набег на Каспий — и по большей части погибли в боях в Азербайджане⁹⁵. Следующий большой поход норманнов и русов на восток начался в 965 году. Благодаря союзу с тюрками и печенегами сыну Игоря Святославу удалось нанести тяжелое поражение хазарам, разграбить их столицу Итиль и захватить западные хазарские крепости, Тмуторокань и Саркел (Белую Вежу)⁹⁶. Затем викинги попытались завоевать Болгарию. Летопись сохранила слова Святослава, вполне характеризующие образ мыслей бродячего конунга: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяслав-

це на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы»⁹⁷.

Однако на Дунае — так же, как в Западной Европе — норманнам пришлось встретиться с превосходящим противником — с тяжелой рыцарской кавалерией. Лев Диакон пишет, что в битве при Доростоле скифы (так он называет норманнов и русов) сражались с присущей им яростью, но не могли противостоять панцирной коннице византийцев. «Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги... [Ромеи] преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, [на поле сражения] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей»⁹⁸.

Битва при Доростоле (971 г.) означала конец экспансии викингов на Востоке. После смерти Святослава, убитого печенегами на пути в Киев, киевским князем стал его сын Владимир. Владимир окончательно подчинил славянские племена — в том числе северян и вятичей, которые дольше всех хранили верность хазарам и сопротивлялись наступлению русов. Но сын Святослава уже не ходил в дальние походы на Константинополь или на Итиль. Главным делом Владимира стало организация Киевского княжества — продолжение и завершение социального синтеза, который начался с «привзвания» славянами Рюрика.

3.4. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ

Диффузионистская теория утверждает, что после завоевания начинается период *социального синтеза* — период, когда завоеватели стремятся наладить эксплуатацию покоренного населения и перенимают его управленческие традиции, в том числе систему сбора налогов. При этом часто перенимается и самодержавие, которое во многих обществах является элементом системы управления.

Киевская Русь вобрала в себя обширные территории Хазарского каганата и стала его политическим наследником. Как видно из летописи, русы заимствовали хазарскую систему сбора дани: по щелягу (дирхему) или по куньему меху со двора⁹⁹. Методы сбора дани: постройка укреплений с гарнизонами воинов — были аналогичны ха-

зарским. Эта система подразумевала дальнейшую реализацию мехов на заморских рынках — и она предопределила схожую с Хазарией социально-экономическую систему Киевской Руси. На Руси — в отличие от Нормандии — дружинники не получали земельных владений-бенефициев; как в Хазарии, они стояли гарнизонами в крепостях или объезжали страну вместе с князем, собирали дань и отправляли ее в столицу. Из Киева товары шли за границу и обменивались на деньги, которые князья передавали дружинникам. Княжеская дружина на Руси была аналогом гвардии Хазарского кагана, и сами князья — во всяком случае, некоторые из них — именовали себя каганами. Святослав даже внешне копировал тюркских вождей: он носил такую же прическу, длинный чуб на выбритой голове¹⁰⁰. Как известно, хазарский каган был самодержавным монархом, и присвоение этого титула киевскими князьями было выражением самодержавных претензий.

У хазар были заимствованы и некоторые военные традиции Киевской Руси. В процессе социального синтеза новые завоеватели обычно стремятся привлечь на свою сторону часть воинов покоренного народа — тех, кто согласиться служить новым господам. После завоевания западной Хазарии в состав военного сословия Руси вошли некоторые кочевые племена, преимущественно из тюрков-гузов — их называли также торками. При хазарах наемные торки стояли гарнизонами в городах каганата, в частности, в Саркеле; когда русы овладели Саркелом, торки сохранили свое положение. Они принимали участие в походах русов: когда в 985 году Владимир пошел на Булгар, русы, как обычно, плыли в лодиях по реке, а торкская конница двигалась берегом¹⁰¹. В XI веке основная часть торков кочевала в причерноморских степях; обычно они выступали союзниками русов, но иногда отказывались подчиняться и вступали в столкновения. Когда в степи пришли половцы, торки потерпели поражение и искали покровительства у русских князей; в 1080-х годах им были предоставлены земли по реке Роси, и они вместе с осколками других кочевых племен образовали объединение «черных клобуков», защищавшее Киев от нападений половцев¹⁰². Со времен Святослава торки и русы часто сражались вместе, и, вероятно, по примеру знатных тюркских баев старшие члены русской дружины стали называться «боярами»¹⁰³.

Как отмечалось выше, часть гвардии хазарского кагана состояла из «гулямов», воинов-рабов; иногда это были славяне или русы. Слово «гулям» переводится как «юноша, раб»: «гулямы» происходили из захваченных в плен мальчиков, которых воспитывали как воинов. Русские князья заимствовали эту практику у хазар, и в их дружи-

нах помимо старших дружинников были и младшие дружинники, «отроки» — это были те же гулямы, преимущественно из взятых в плен кочевников¹⁰⁴. Их число особенно увеличилось к концу XI века, летопись сообщает, что князь Святополк Изяславич имел 700 отроков¹⁰⁵.

В ксенократических государствах, основанных завоевателями, обычно существует жесткое сословное деление: завоеватели становятся господствующим военным сословием, а покоренные туземцы — неполноправным податным сословием. Вплоть до конца XI века в дружине киевских князей преобладали варяги, и понятие «боярин», «старший дружинник», отождествлялось на Руси с варягом¹⁰⁶. Варяжское население Руси постоянно пополнялось новыми «находниками». Как известно, Владимир смог получить отцовский престол, лишь призвав варягов из Скандинавии; в награду «лучшим мужам» из них он раздавал города¹⁰⁷. Ярослав во время борьбы за трон шесть раз призывал варягов, и естественно, что многие из этих воинов оставались на Руси и становились дружинниками киевских князей¹⁰⁸. Знатные бояре имели свои дружины из младших родичей; варяг Симон, к примеру, пришел на Русь с тремя тысячами родичей¹⁰⁹. Засилье варягов на Руси было таково, что шведский эпос называет Русь «Великой Швецией» (Svithiod hin Mikla)¹¹⁰. Симон и другие варяги получали в управление волости, с которых собирали дань для князя; часть этой дани шла в пользу бояре-наместников и их дружинников¹¹¹.

Дружинники получали содержание от князя — в XII веке оно составляло порядка двухсот «гривен кун», то есть 50 гривен серебра или 4 тысячи дирхемов в год¹¹². Это были очень большие деньги: по данным «Русской Правды» корова стоила две гривны кун. Для сравнения можно отметить, что варяжские гвардейцы в Византии получали 30 солидов, а корова стоила 3 солида¹¹³. Должность дружинника не была наследственной, среди 150 известных по летописям дружинников не более чем у 15 отцы, вероятно, тоже были дружинниками; при отборе в дружину, очевидно, учитывались в основном воинские качества¹¹⁴.

Как отмечалось выше, фундаментальным открытием, породившим волну завоеваний, было создание скандинавского дракара. Разумеется, мы видим дракары и на Руси: «Русская правда» называет самым дорогим кораблем «заморскую», то есть скандинавскую, ладью. «Набойная ладья» по сравнению с «заморской» имела меньшие размеры, но ее название свидетельствует о применении той же конструкции, клинкерной обшивки¹¹⁵. Летопись говорит, что русские ладьи во время похода 907 года вмещали по 40 воинов¹¹⁶ — то есть они были меньше гокстадского дракара. Уменьшение размеров было свя-

зано с необходимостью перетаскивать суда через днепровские пороги. П. Е. Сорокин показывает, что скандинавская судостроительная традиция пришла на Русь уже в готовом виде, и в частности, здесь изначально применялись железные заклепки с клинк-шайбами — а не деревянные нагели, как у западных славян¹¹⁷. Как отмечалось выше, инструментарий судоремонтных мастерских в Ладоге и Гнездово был чисто скандинавским; скандинавской была и тактика использования дракара¹¹⁸. Русь заимствовала эту тактику, и русское войско совершало походы на судах вплоть до времен Ивана Грозного.

Другой фундаментальной инновацией варягов в славянских землях было массовое использование железного оружия, стальных мечей, шлемов, кольчуг. Эта инновация была связана с развитием шведской металлургии и с освоением производства сварочной стали по методу «трехслойного пакета». Технология «трехслойного пакета» изначально применялась в Ладоге и Гнездово и в дальнейшем распространилась на всю Северную Русь. Русские кузнецы ковали даже стальные мечи с орнаментацией по образцу изделий знаменитых мастерских Ульфберта; русские кольчуги и шлемы были хорошо известны на Западе¹¹⁹. Но любопытно, что в Южной Руси применялась и другая кузнечная технология, унаследованная от хазарского культурного круга; эта технология была связана с методом цементизации и с наваркой стальных лезвий на железные изделия¹²⁰. Необходимо особо отметить, что вооружение, принесенное викингами на Русь — это было оружие пехоты. Варяги и русы были тяжеловооруженными пехотинцами, они с легкостью одерживали победы над плохо вооруженными славянами, но терпели поражения при столкновении с тяжелой конницей кочевников или с византийской кавалерией.

Вместе с дракарами и стальными мечами варяги принесли на Русь и свои обычаи. Ибн Русте описывает обычаи русов, в том числе характерный для норманнов обычай человеческих жертвоприношений: «Есть у них знахари (жрецы — *С. Н.*), из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми... Они (русы) храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Побежденных истребляют: и [ли] обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях... Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты,

которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»¹²¹.

Как известно, викинги обычно практиковали сожжение покойника в ладье, но к концу IX века его стало сменять описанное Ибн Русте погребение в «домике мертвых», такие погребения зафиксированы также в Гнездове в Ладогe¹²². Однако описанный арабским историком обычай класть в могилу жену покойного встречается в Скандинавии очень редко; он характерен именно для погребений дружинников в славянских землях — в могилы воинов здесь клали их любимых наложниц-славянок¹²³. Ничего подобного — ни захоронений наложниц с воинами, ни человеческих жертвоприношений — никогда не практиковалось среди славян; это были обычаи русов¹²⁴. Своеобразным символом господства русов были огромные курганы близ Чернигова, где в подготовленных для сожжения «домиках мертвых» среди оружия, украшенного золотом и серебром, воины держали в объятиях своих загробных подруг¹²⁵.

Русы, не входившие в состав дружины, были в основном купцами, занимавшимися работоторговлей и сбытом дани; среди них были свои «бояре» — возможно, потомки оставивших службу дружинников (дружинники не были обязаны всю жизнь служить князю). Городские усадьбы русов были наполнены челядью, приведенной из набегов, среди этих рабов были также ремесленники и военные слуги¹²⁶. Купцы в те времена были одновременно и воинами, в городах существовало свое ополчение — городские «сотни» и «тысячи»; характерно, что возглавлявший ополчение «тысяцкий» одновременно был главным судьей в торговых спорах¹²⁷. В. О. Ключевский писал, что «сторонним наблюдателям оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись единым общественным слоем, который носил общее название *руси*, и, по замечанию восточных писателей X века, занимался исключительно войной и торговлей, не имел ни деревень, ни пашен, т. е. не успел еще сделаться землевладельческим классом»¹²⁸.

Относительно взаимоотношений князей и городского населения в IX — X веках имеются лишь отрывочные сведения. В договорах с Византией князья-конунги выступают от имени городов, требуя дань отдельно для Киева, Чернигова, Переславля, Ростова, Любеча¹²⁹. Очевидно, что до принятия христианства князья не были самодержавными владыками, и им приходилось считаться с городскими общинами¹³⁰. По-видимому, положение было таким же, как

в городах Скандинавии, например, в Бирке, где конунги выступали в роли военных вождей, но важнейшие дела решались на тинге «знатью», «купцами» и «народом»¹³¹. Многие историки считают, что собрания горожан, «вече», существовали на Руси издавна, но в летописи «вече» упоминается первый раз в 989 году в Новгороде¹³². Новгород был наиболее «варяжским» городом на Руси; летопись прямо говорит, что «новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене»¹³³. Скандинавские имена здесь сохранялись вплоть до XIV века не только в среде боярства, но и в сельской глубинке. В Новгороде была распространена символика, связанная с дракаром, и даже крыши домов украшали драконьими мордами¹³⁴.

Заимствованная у хазар система сбора и реализации дани требовала налаженной финансовой службы, и не исключено, что ее создание было делом киевских ростовщиков-евреев, как известно, проживавших в районе, называвшемся «Козаре». К хазарской системе торговли мехами варяги добавили систему работорговли: их деятельность на волго-балтийском пути изначально была направлена на обеспечение сбыта рабов, захваченных в плен на балтийском побережье. Позже эти захваты распространились на область восточных славян, и целью постоянных войн, которые вели русы с еще непокоренными славянскими племенами, был в том числе и захват полона.

«У них есть царь, называемый хакан русов, — свидетельствует Ибн Русте. — Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами...»¹³⁵

Известие Ибн Русте в общих чертах согласуется с относящимся к середине X века сообщением о русах византийского императора Константина Багрянородного: «Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье, то есть в круговой объезд, а именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных славян, платящих дань Руссам...»¹³⁶ Далее начиналась грандиозная торговая операция, которую Б. А. Рыбаков обозначает как «сбыт полюдья»¹³⁷. Собрав дань, русы грузили ее на корабли, и огромная флотилия из сотен и тысяч¹³⁸ лодий отправлялась в Константинополь. Флотилия везла меха, воск, мед, собранные на полюдье и, кроме того, множество рабов, захваченных в плен в набегах на дальние славян-

ские земли. Приводимые летописцем торговые договора с Византией с очевидностью показывают, что эта ежегодная торговая экспедиция была стержнем экономической жизни Киевской Руси; именно на этом обмене товаров Руси на товары Византии (и Востока) базировалось существование княжеских дружин и русских городов¹³⁹.

Помимо мехов, главным товаром русов были рабы — «челядь». «Восточные писатели X века в живой картине рисуют нам русского купца, торгующего челядью на Волге, — писал В. О. Ключевский, — выгрузившись, он расставлял на волжских базарах, в городах Булгаре и Итиле свои скамьи, лавки, на которых рассаживал живой товар — рабынь. С этим же товаром являлся он и в Константинополь...»¹⁴⁰ В роли работорговцев выступали, в первую очередь, князья и их дружинники¹⁴¹. Летопись сохранила упоминание о трех селах Владимира, в которых содержалось восемьсот наложниц князя¹⁴²; по-видимому, в данном случае речь идет не столько о наложницах, сколько о запахах предназначенного для продажи «живого товара»¹⁴³. В те времена рабыня стоила 5 «гривен кун»¹⁴⁴; «кунами» и «ногатами» тогда называли арабские дирхемы или заменявшие их «меховые деньги», шкурки куниц¹⁴⁵. Мусульманские купцы в Булгаре и Итиле платили за рабынь и меха дирхемами, и дирхемы были самой распространенной монетой, как на Руси, так и в Скандинавии. 20 дирхемов-ногат составляли «гривну кун»¹⁴⁶; таким образом, рабыня в Киеве стоила 100 дирхемов, в то время как в Багдаде «красивая белая рабыня, совершенно ничему не обученная», стоила 15 тысяч дирхемов¹⁴⁷. Эти цифры помогают понять суть русско-варяжской торговли: она приносила такие прибыли и имела такой размах, что Скандинавия и Русь были заполнены арабской монетой; от этого времени осталось более полутора тысяч кладов, причем лишь один клад, найденный в районе Мурома, содержал 42 килограмма серебра¹⁴⁸. Отток серебра с Ближнего Востока на Русь был настолько велик, что в XI веке на Ближнем Востоке появилась острая нехватка серебряных дирхемов — специалисты считают, что это было следствием огромных масштабов работорговли¹⁴⁹.

Ахмед ибн Фадлан, побывавший в Булгаре в 922 году, оставил описание русов, которые приплывали по Волге на кораблях, наполненных мехами и рабами¹⁵⁰. По-видимому, это были купцы из Новгорода и из-за моря. Из Киева к Булгару вела сухопутная дорога, на ней располагалось 20 станций, где купцы могли найти приют и отдых¹⁵¹. Однако в конце X века кочевые тюрки перекрыли волжский путь и караванную дорогу из Булгара в Хорезм. О прекращении торговли с мусульманскими странами свидетельствует резкое уменьшение поступления в Европу арабских дирхемов; в XI веке дирхемы, бывшие

основной монетой на Руси, исчезли из обращения; их заменили слитки серебра и «меховые деньги»¹⁵². Основным рынком для сбыта полюдья теперь стал Константинополь.

В Константинополе платили за рабов по большей части шелками, «паволоками», по две паволоки за челядина¹⁵³; одна паволока стоила от 10 до 50 номисм. В переводе на арабские деньги раб стоил 320–1600 дирхемов; рабыни (судя по величине таможенных пошлин) стоили в 4 раза дороже¹⁵⁴. По некоторым оценкам, количество рабов, ежегодно продаваемых в арабские страны и в Византию, исчислялось десятками тысяч, не случайно слово «славянин» приобрело в европейских языках значение «раб»¹⁵⁵.

Русы называли рабов «челядью», это слово переводится со старославянского как «неразделенные братья», крестьянская семья. На языке славян «челядина» — это просто «девушка», а на языке дружинников-русов — «рабыня»¹⁵⁶. Эти смысловые соответствия показывают, каковы были отношения между русами и славянами. Жителей славянских деревень называли смердами, и презрение, которое питали русы к смердам, нашло свое выражение в слове «смердящий»¹⁵⁷. Однако русы не слишком притесняли покоренных славян; уплачиваемая требуемая дань, смерды могли жить по своим старым обычаям¹⁵⁸. Власти почти не вмешивались в жизнь общин: «Русская Правда» говорит, что в случае совершения убийства община-«вервь» сама должна искать преступника или платить виру¹⁵⁹. По «Русской Правде», убийство смерда каралось так же, как и убийство раба, штрафом в 5 гривен; для сравнения, вира руса составляла 40 гривен, а вира княжеского дружинника или даньщика — 80 гривен¹⁶⁰. 80 гривен — это был размер дани с целой волости; таким образом, в случае убийства даньщика вервь должна была выплатить огромную контрибуцию¹⁶¹. Лишь в редких случаях, находясь в тяжелом положении, князь призывали смердов в войско; в летописи рассказывается, как в 1016 году князь Ярослав после похода заплатил новгородцам (то есть русам) по 10 гривен, а смердам — по гривне¹⁶².

Сословное деление древнерусского общества нашло свое выражение в формуле, часто встречающейся в новгородских летописях: «кто купец пойдет в свое сто, а смерд пойдет в свой погост»¹⁶³. Таким образом, горожане традиционно отождествлялись с подразделявшимися на сотни купцами-воинами, а смерды — с погостами, центрами деревенских общин и одновременно центрами сбора дани. «То, что называлось станановищем у древлян (ср. старопольское stan — останок князя при полюдье), то у словен называлось погостом (ср. старопольское goszczenie — полюдье, русское „угощение“»¹⁶⁴. Напом-

ним, что шведское «полюдь» называлось «вейцла», «пир», потому что бонды встречали конунга «угощением» — но в Швеции это угощение было добровольным.

Конечно, славяне иногда восставали против завоевателей. В 945 году князь Игорь пожелал повторно собрать дань с древлян и был убит восставшими. Вдова Игоря Ольга (Хелга) жестоко подавила сопротивление славян: «...взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань»¹⁶⁵. После этого восстания в правление Ольги сбор дани принял более регулярный характер, полюдь постепенно заменялось системой погостов; смерды сами привозили дань на погосты и передавали ее княжеским уполномоченным. Для каждого погоста была утверждена определенная сумма дани в зависимости от числа «дымов»¹⁶⁶.

Данные об уровне обложения очень немногочисленны. Как говорит летопись, Олег в IX веке брал по шкурке куницы или по «щелягу» с «дыма», то есть со двора; Владимир в конце X века брал с вятичей по «щелягу» с плуга¹⁶⁷. Рало как единица налогообложения упоминается в новгородских берестяных грамотах второй половины XII века¹⁶⁸. Конечно, обложение с плуга было возможно лишь там, где практиковалось пашенное земледелие. Во многих случаях дань платили, как и раньше, с «дыма», и не монетой, а заменявшими ее мехами, «кунами». Что касается «щеляга», то на Руси так называли любые серебряные монеты, и сначала в этой роли выступали дирхемы, а позже — привозившиеся из Западной Европы шиллинги.

М. Б. Свердлов обращает внимание на то обстоятельство, что в Англии викингам платили дань «по шиллингу с плуга» и полагает, что эту практику варяги перенесли и в страну славян¹⁶⁹. Однако летопись говорит, что по «щелягу с плуга» брали до русов хазары, и возможно, что направление заимствования было обратным,

Итак, первоначально обложение смердов составляло примерно один дирхем со двора. Изменилось ли оно в дальнейшем? Известно, что смоленский князь Ростислав в 1130-х годах получал от своего княжества 3087 гривен серебра, и эта сумма не увеличивалась, по крайней мере, в течение полувека¹⁷⁰. Если считать в гривне 204 грамма серебра, а в «саманидском» дирхеме — 3,65 грамма¹⁷¹, то мы получим дань в 172 тыс. дирхемов. В предположении прежней нормы сбора, один дирхем со двора, это означает, что население княжества составляло 172 тысяч дворов или примерно 850 тысяч человек. При территории княжества в 93 тысяч км² плотность населения получается около 9 человек на км². Насколько это согласуется с имеющими-

ся данными о населении Киевской Руси? По оценке П. П. Толочко, плотность населения в южных районах составляла 10–12 человек на км², в северных районах она была вдвое меньше¹⁷², для Смоленщины же она могла составлять 7–9 человек на км². Эти оценки говорят о том, что норма сбора дани, по-видимому, осталась прежней, а если и увеличилась, то максимум до двух дирхемов со двора. Много это или мало? Все познается в сравнении. В середине X века в Византии среднее крестьянское хозяйство платило основной налог, «димосий» или «канон», в 2 солида, что эквивалентно 24,5 «саманидским» дирхемам¹⁷³. Чем объясняется столь большая разница? Может быть, относительной дороговизной серебра на Руси, то есть его более высокой покупательной способностью? Данных для сопоставления цен очень мало, но мы знаем, что корова в XII веке стоила на Руси 2 «гривны кун», то есть 102 г серебра, а в Византии IX–X веков — 3 солида, то есть 13,5 г золота или 135 г серебра¹⁷⁴. Разница в покупательной способности серебра имеется, но даже с ее учетом налог в Византии будет превосходить налог на Руси в 18 раз. Подобный же результат получится, если мы сравним русскую дань с налогами в Египте после арабского завоевания — там на взрослого мужчину приходилось 24–26 дирхемов податей¹⁷⁵. В конечном счете остается единственное объяснение: варяжское государство было слабым и оказалось не в состоянии наладить жесткую систему обложения покоренных славян. Русские князья не имели такого мощного налогового аппарата, как византийские императоры или халифы, они не использовали практику бирок-квитанций и не искали укрывающихся от налогов. Налоговая система была примитивной, дань собиралась с целых волостей без реального учета числа людей, пашни, скота¹⁷⁶. В итоге налоговое давление государства на крестьян было незначительным. Соответственно, незначительными были и финансовые возможности княжеств. Если дружинник получал 50 гривен серебра, то трех тысяч гривен могло хватить лишь на содержание нескольких десятков дружинников. Однако дружины были гораздо более многочисленными. За счет чего жили дружинники? Очевидно, в значительной мере за счет военной добычи. Слабость государства побуждала дружины искать добычи в войнах — дальние походы киевских князей имели характер набегов, целью которых был прежде всего захват добычи. Покорение отдаленных славянских племен тоже сопровождалось захватом добычи и полон, а позже, когда все племена были покорены, настало время междоусобных войн. Добыча и полон сбывались в торговых экспедициях в Константинополь и Булгар — поэтому дружинники и городская знать были тесным образом связаны с торговлей.

Процессы социально-культурного синтеза оказали чрезвычайно сильное влияние и на хозяйственную жизнь славян. Как отмечалось выше, составной частью скандинавской диффузионной волны было развитое металлургическое производство. В IX веке диффузионные волны распространения кузнечной технологии, скандинавской на севере и хазарской на юге, привели к тому, что в стране славян в изобилии появились стальные топоры и ножи, железные лопаты, мотыги, наральники, серпы, косы и прочие орудия земледельца. Эта «железная революция» намного облегчила расчистку лесов под поля и обусловила огромный рост населения в последующие столетия.

Другим важным диффузионным процессом, который начался еще в хазарское время, было распространение пахоты на лошадях. Как отмечалось выше, эта инновация была связана с появлением усовершенствованной конской упряжи, хомута, и поначалу получила распространение в лесостепных областях на Дону и на левобережье Днепра. К X веку хомут получил известность и в северных землях славян; а затем — в Скандинавии, откуда попал в Западную Европу¹⁷⁷. Для пахоты расчищенных от леса участков, «лядин», был создан облегченный плуг, соха; она позволяла рыхлить землю с остатками корневищ — таким образом можно было продлить срок эксплуатации расчищенной земли. На участках с хорошей почвой это позволяло перейти от подсечной системы к пашенному земледелию с использованием паров.

В отличие от кузнечного дела гончарное ремесло было чисто славянским: скандинавы, как известно, не знали гончарного круга до XII века. Гончарство пришло в лесостепное Причерноморье вместе с отступавшими из Паннонии дулебами и представляло собой наследие провинциально-римской культуры¹⁷⁸. Однако распространение этого ремесла в лесной зоне было очень медленным и постепенным; в сельские районы этой зоны проник только ручной гончарный круг, который и бытовал здесь вплоть до XIX века¹⁷⁹. В городах русов гончарство — в отличие от кузнечного дела — считалось «низким» ремеслом смердов.

Некоторые изменения произошли также в области домостроительства, хотя основным типом жилищ по-прежнему оставалась славянская срубная полуземлянка с печью в углу. Поселенцы на Ладозе обитали в характерных для скандинавов прямоугольных «больших домах», но в соответствии с более поздней шведской традицией эти дома были разделены промежуточной стеной на отапливаемую часть и холодную «клеть». Как полагают, эта домостроительная схема позже была заимствована славянами и легла в основу русского «пятистенника»¹⁸⁰. Что касается городов, то они в значительной сте-

пени состояли из дворов, принадлежавших дружинникам или купцам. Каждый двор представлял собой комплекс сооружений из больших домов с многими комнатами; почти все они были двухэтажными и отапливались русскими печами¹⁸¹.

Варяги Рюрика прибыли в страну славян без женщин и — также как в Нормандии — примерно через полтора столетия после завоевания они ассимилировались и переняли местный язык. Такой же была участь варягов-дружинников, пришедших позже; они женились на славянках; их дети были наполовину славянами, а их внуки мало чем отличались от славян. Процессы постепенной ассимиляции хорошо прослеживаются на материале могильников Гнедова: в погребальном инвентаре появляются украшения, совмещающие скандинавские и славянские традиции¹⁸². Дружинники-русы перенимали не только славянский язык, но и славянских богов: они отождествили скандинавского бога грозы и войны Тора со славянским Перуном и стали приносить ему человеческие жертвы¹⁸³. Со временем русь стала отличать себя от варягов, и этнические различия перешли в социальные: слово «русь» стало обозначением высшего слоя славянского общества, а затем так стали называть и славян, подвластных руси. Однако, как отмечал А. А. Шахматов, в XI–XII веках было еще живо представление «о том, что имя Руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов»¹⁸⁴.

Процесс этнического синтеза отразился в русском языке заимствованием ряда скандинавских слов. Многие из них отражают военно-морскую терминологию: якорь, шнека (вид судна), лавка (для гребцов), ящик, стяг; другие заимствованные слова связаны с функциями дружины: гридь (младший дружинник), тиун (управляющий), ябетник, кнут. Можно упомянуть также берковец — мера веса, происходящая из Бирки, и слово «скот» в значении «деньги» — при отсутствии денег и на Руси, и в Скандинавии было принято расплачиваться скотом¹⁸⁵.

3.5. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПО ВИЗАНТИЙСКОМУ ОБРАЗЦУ

Как утверждает диффузионистская теория, волны заимствований порождаются фундаментальными открытиями и исходят от центров военной силы, от обществ, овладевших новым оружием. Норманнское нашествие было обусловлено появлением фундаментальной военной инновации, дракара, и норманны продолжали свои завоевания, пока не столкнулись с другой, более эффективной военной тех-

нологией — с использованием тяжелой кавалерии. Это произошло в 971 году в битве при Доростоле. Скандинавская волна столкнулась с диффузионной волной, вызванной распространением рыцарства; русы осознали, что Византия является новым центром могущества, которому в конечном счете придется подражать, и у которого придется учиться.

Если отстраниться от конкретной ситуации, то нужно отметить, что тяжелая кавалерия была создана кочевниками, которые первыми стали использовать стремя. Но в X столетии эта военная инновация была освоена двумя могущественными державами, Византией и Империей Карла Великого, которые эффективно использовали тяжелую кавалерию для новых завоеваний и расширения сферы своего политического влияния. На Западе этот процесс привел к распространению германской (франкской) диффузионной волны — граничившие с Германией варварские княжества были вынуждены трансформироваться по франкскому образцу, заимствовать рыцарский строй и — самое главное — принять имперскую идеологию, латинское христианство. В 960-х годах крестились король Дании Гаральд Синезубый и князь поляков Мешко, в 970-х годах — венгерский король Геза. На юге Европы подобные процессы были результатом византийского влияния, здесь к тому времени уже приняли православие болгары, сербы и моравы. В 860-х годах Константин Философ создал славянскую письменность, а затем его брат Мефодий перевел на славянский язык Библию. Это было в своем роде революционное событие, так как прежде считалось, что Бога можно славить только на трех языках, еврейском, греческом и латинском. Римский папа Адриан II разрешил богослужение на славянском языке, но в дальнейшем церковь не делала таких исключений вплоть до эпохи Реформации.

Перевод Библии на славянский язык способствовал быстрому распространению христианства среди славян — а также и среди русов, служивших в варяжской гвардии в Константинополе или прибывавших туда по торговым делам. Русь была связана с Византией сбытом полюдья, который был жизненно необходим для функционирования ее социального организма. Фактически она входила в византийскую «мир-экономику», находилась в экономической зависимости от Византии, поставляя в метрополию товары, востребованные константинопольским рынком, и получая на этом рынке предметы роскоши, обозначавшие социальный статус русов. Таким образом, признание военного превосходства Империи дополнялось признанием неразрывной связи с имперской экономикой — это были две причины, обусловившие трансформацию по византийскому образцу. В конечном

счете целью принятия христианства было создание прочного союза с могущественной державой, враждебные отношения с которой грозили бы Руси экономической и военной катастрофой.

Крещение Руси в 988 году стало своеобразным символом трансформации русского общества по византийскому образцу — однако следует подробно проанализировать, в чем конкретно состояла эта трансформация, каковы были ее военно-технические, социально-политические и культурные компоненты.

В соответствии с диффузионистской теорией, главным проявлением трансформации были военные реформы — преобразование русских дружин по византийской модели. Дружинники сели на коней, они заимствовали у победителей при Доростоле чешуйчатые панцири, легкие миндалевидные щиты, пики, жесткие седла с высокими луками, стремена с прямой подножкой и прочее снаряжение тяжеловооруженных всадников¹⁸⁶. Потомки норманнов — так же, как в Нормандии — превратились в рыцарей. Правда, способ содержания этих рыцарей отличался от принятого на Западе — он был таким, как в Византии, где гвардейцы не имели бенефициев, а находились на содержании Дворца.

В социально-политическом отношении подражание Византии означало подражание византийскому самодержавию. И. Я. Фроянов трактует принятие христианства как политический переворот: Владимир посылает в разные области государства двенадцать своих сыновей, которые отстраняют местные власти, организуют крещение и налаживают новую централизованную систему управления. В цитадели варяжских традиций, Новгороде, это привело к большому восстанию: «бысть между ними сеча зла». Реформа вызвала сопротивление также в некоторых других областях — но все восстания были подавлены¹⁸⁷.

Установление самодержавия нашло яркое отражение в идеологической сфере. Князь Владимир в крещении принял имя Василий — в честь императора Василия II¹⁸⁸. На появившихся в то время первых русских монетах Владимир изображен сидящем на троне в императорском одеянии и в византийской короне («стемме») ¹⁸⁹. Митрополит Иларион называл Владимира «единодержцем земли своей», а Ярослав в «Повести временных лет» поименован «самодержцем земли русской»¹⁹⁰. Оба этих термина являются кальками титулов византийских императоров — «монархатор» и «автократор»¹⁹¹. Летописцы рисуют русских князей по образцу и подобию императоров¹⁹²: благочестивые князья строят соборы, покровительствуют церкви, защищают вдов и сирот, вершат справедливый суд. Не без влияния

церкви создается судебная система — один из основных атрибутов государственности. «Повесть временных лет» рассказывает, как епископы-греки побудили Владимира приступить к наведению порядка, утвердить княжеский суд и «казнить разбойников»¹⁹³. При Ярославе Мудром появляется первый русский законодательный кодекс, «Русская Правда»; он содержит следы как византийских, так и скандинавских влияний¹⁹⁴. Характерно, что на Руси, как и в Византии, епископы выступали в роли судей по многим гражданским делам; они судили по греческим судебникам, получившим название «кормчих книг»¹⁹⁵; в сохранившихся списках переводы этих судебныхников обычно соседствуют с «Русской Правдой». Однако в отличие от других «варварских правд» в «Русской Правде» не содержалось запрета на продажу рабов за границу — это подчеркивает значение работорговли, которую вели русские города.

Необходимо отметить, что христианская церковь со своего рождения несла в себе идею социальной справедливости. Естественно, что и на Руси церковь по мере возможности старалась облегчить положение угнетенных, прежде всего рабов. «Челядь же свою тако же милуй, — увещевали господ монахи, — дажь им потребныя; показай же я на добро не яростию, но яко дети своя»¹⁹⁶. Отцы церкви ставили князьям в пример благочестивых и радеющих о справедливости византийских императоров. Проповедь милосердия и смирения привела к тому, что в славянских деревнях распространение христианства не встречало такого противодействия, как в городах русов. Археологические данные говорят о том, что это распространение было медленным и постепенным — христианский культ мирно соседствовал с языческими обрядами и поверьями, а потом и сросся с некоторыми из них, превратившись в своеобразную народную религию¹⁹⁷.

Крещение Руси при Владимире приобщило молодое русское общество к христианскому миру и открыло дорогу мощному византийскому культурному влиянию. Основным проводником этого влияния была русская церковь; русские митрополиты и епископы по большей части были греками, которых присылали из Константинополя¹⁹⁸. Их сопровождало множество ученых греков, переведивших на русский язык православную литературу, в первую очередь богослужебные книги, но также и житийные сочинения, и некоторые тексты энциклопедического характера, такие, как хроники, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Физиолог». Во многих городах были созданы церковные школы, и таким образом стал формироваться слой по-гречески образованной элиты. Известно, что все князья последующей эпохи были грамотными людьми; князь Всеволод Яро-

славич (правил в Киеве в 1078–1093 годах) знал пять языков. Довольно значительным был процент грамотности и среди горожан. Яролав Мудрый создал большую библиотеку в Святой Софии, при нем началось русское летописание, и были переведены некоторые греческие историки: Иоанн Малала, Георгий Синкелла, Георгий Мних. Помимо школ, церкви создавали также и больницы; из летописей известно, что на Руси работали сирийские и армянские врачи. Из Византии пришли на Русь и начатки математических знаний; таблица умножения называлась «счет греческих купцов», а числа записывали на греческий манер, с помощью букв¹⁹⁹. У греков были заимствованы некоторые русские меры, в частности, «косая сажень» в 216 см — это обычная византийская «оргия», равная семи футам, а «великая сажень» в 248 см равна восьми греческим футам²⁰⁰. Одно из поразительных свидетельств технического прогресса Руси под воздействием византийского влияния — это появление в XII веке лесопильных рам, приводимых в движение водяными колесами. Одна из таких машин была установлена на приграничной реке Рось и использовала энергию водопада²⁰¹. После монгольского нашествия секрет лесопилок был утерян, и они вернулись на Русь только в XVII столетии.

Появление каменных церквей означало революцию в славянской строительной технике. Греки принесли на Русь технологию строительства из обожженного кирпича с применением известкового раствора. Это была довольно сложная для тех времен технология, включавшая строительство особых печей для обжига кирпича и выделки извести. В то время использовался тонкий кирпич (2,5 см толщины), известный в Византии и на Руси как «плинфа»; древнерусское обозначение извести «вапшно» также пришло из греческого языка. У греков были заимствованы применение поливных керамических плиток и технология производства оконного стекла. Оконное стекло получило довольно широкое распространение и использовалось не только в церквях, но и в богатых домах. Одновременно развивалось и производство стеклянной посуды, которая перестала быть редкостью. Разноцветные стеклянные браслеты стали излюбленным украшением жительниц русских городов — но в славянских селах эти престижные вещи почти не встречались²⁰².

Излишне говорить о том, что архитектура русских церквей копировала греческие образцы. Характерными конструктивными элементами зданий были бетонные основания фундаментов и купола на световых барабанах. Диаметр центрального купола киевского собора Святой Софии составлял 7,7 метра, что, конечно, уступало размером купола Софии Константинопольской (31 м). Тем не менее ки-

евская София была одним из крупнейших храмов того времени — среди западноевропейских соборов ее превосходили только Аахенский собор и собор Святого Марка в Венеции (построенный также византийскими мастерами).

Спрос на церковную утварь способствовал развитию ювелирного дела. В 988 году князь Владимир вызвал греческих мастеров, изготовивших утварь для первого киевского храма, Десятинной церкви. Эти ремесленники создали в Киеве постоянные мастерские, положив тем самым начало славянской ювелирной школе. Подобные мастерские появились также в Великом Новгороде, Рязани, Суздале, Владимире и Чернигове. Многие престижные товары, обозначавшие привилегированное положение знати, теперь изготавливались на Руси — известно, к примеру, что Владимир приказал отлить серебряные ложки для своих дружинников. Среди многочисленных драгоценностей, встречающихся в захоронениях X—XII веков, отдельные типы ожерелий, браслетов, перстней, серег и височных колец носят несомненно славянский характер. Некоторые вещи при этом своей технологией изготовления явным образом копируют чужеземные образцы, например, византийскую эмаль. Близ Десятинной церкви в Киеве были найдены остатки ювелирной мастерской с тигельками, в которых осталась расплавленная эмаль²⁰³.

Ювелирные изделия византийского типа не только украшали церкви — они стали маркером принадлежности к высшим социальным слоям. Оттененная драгоценностями одежда князей и бояр также копировала византийские образцы — так что историки восстанавливают ее на основе изображения императора Феодосия на фреске Кирилловской церкви в Киеве. Плащ-корзно был драпирующейся одеждой византийского типа, который носили только князья и бояре. Парадной княжеской одеждой были и туники из дорогих византийских паволок с длинными рукавами и боковыми разрезами внизу. В женском costume знати также преобладали византийские формы одежды: туники, далматики, драпирующиеся плащи²⁰⁴. Византийские обычаи проявлялись и в быту высших слоев общества: стало распространенным употребление вина, оливкового масла, пряностей. Все это доставлялось из Константинополя в греческих амфорах, ввоз которых достигал 1 тысячи штук в год²⁰⁵.

Византийская технология применялась не только для строительства церквей или производства предметов роскоши. Владимир использовал новые технические возможности для строительства укреплений на границе степи. На протяжении сотен километров были возведены линии валов, которые должны были охранять Киев-

щину от печенежских набегов; наружная часть этих валов облицовывалась кирпичом. Были построено не менее ста крепостей-«градов», в которых стояло гарнизоными новое войско киевского князя²⁰⁶. Характерно, что это были уже не варяги и не русь: Владимир «стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города» — говорит летопись²⁰⁷. По-видимому, эту военную реформу следует трактовать как продолжение процесса социального синтеза, как открытие славянам доступа в ряды военного сословия. Как известно, киевский князь не доверял своевольным варягам и после окончания войны за престол постарался отправить призванных им на помощь викингов подальше от Киева — в Константинополь²⁰⁸. Появившаяся при Ярославе «Русская правда» приравнивала в правах «русинов» и новгородских «словен», то есть славян, поселившихся в Новгороде и, вероятно, служивших князю²⁰⁹. Все это было проявлением закономерностей *социального синтеза*: стремясь стать самодержцем, правитель приближал к себе представителей коренного народа и отдалялся от знати — от бывших сотоварищей по оружию. Такого рода реформы были связаны и с копированием византийского самодержавия, которое не признавало сословного деления и стремилось к этатистскому регулированию общественных отношений²¹⁰.

Отчуждение монарха от знати в перспективе обычно приводило к *традиционалистской реакции*, к подспудной или открытой борьбе бояр против монархии. Наиболее активными были бояре «варяжского» Новгорода, которые прежде сопротивлялись введению христианства, а затем подговорили сына Владимира, Ярослава, поднять мятеж против отца. Владимир умер, не успев подавить мятеж, после чего началась междоусобная война между его сыновьями. В конечном счете Ярослав оказался победителем — и он пошел на уступки новгородскому боярству, заключил с ним договор и снизил дань с 3000 до 300 гривен²¹¹. Однако опорой Ярослава были не бояре, а наемные варяги, как отмечалось выше, во время войны он шесть раз призывал викингов «из-за моря»²¹². Наемное войско в руках монарха всегда является орудием автократии — поэтому самодержавие устояло в междоусобной борьбе. Кроме того, экономическая система Киевской Руси базировалась не на землевладении и натуральном хозяйстве, как на Западе, а на торговле и сбыте полуодья; это давало князьям большие финансовые средства и позволяло содержать наемную дружину. Таким образом, торговля способствовала поддержанию самодержавной власти киевских князей. Фактором, препятствовавшим сохранению самодержавия, была (опять-таки варяж-

ская) традиция выделения уделов наследникам правителя. В конце жизни Ярослав разделил государство между тремя старшими сыновьями, но некоторое время им удавалось управлять совместно. Однако в конце XI столетия киевской монархии было суждено испытать на себе новый удар, который на этот раз был нанесен внешними силами — вторжением половцев.

3.6. НАСТУПЛЕНИЕ ТЮРОК

Как отмечалось выше, появление стремени открыло эпоху тяжелой кавалерии, новый этап которой начался с созданием тюркского седла. Новое седло давало возможность всаднику вставать в стремях и вкладывать в удар всю массу тела — однако старое оружие, меч, было малоэффективно в таком бою. Кинематические исследования нашего времени показали, что эффективность (или «коэффициент полезного действия») меча составляет лишь 45% — а остальная энергия удара теряется в силу различных причин. В ходе своих бесконечных войн кочевники вели поиск нового, более эффективного оружия. Это был длительный процесс: его начало отмечается у паннонских авар, которые в VII веке стали применять сначала однолезвийные мечи-палаша, а затем и кривые легкие сабли. Но в следующем столетии авары почему-то вернулись к прямым саблям — и эти прямые (или почти прямые) сабли распространились на восток в причерноморские степи, принадлежавшие тогда хазарам. Хазары сделали еще один шаг назад: они укоротили сабли и фактически вернулись к однолезвийным палашам — правда, при этом они стали наклонять ручку палаша по отношению к клинку²¹³.

Вероятно, эти конструктивные вариации были связаны с недостатком прочности у тонких и длинных аварских сабель. Для настоящей сабли требовался хороший металл — литая сталь, булат. Булат («вуц») производился в Индии еще до нашей эры — но индийский булат был очень дорог. Известный ученый-энциклопедист Бируни писал, что стоимость клинка была равна стоимости слона или табуна лошадей²¹⁴.

К X веку, однако, производство булата — правда, не столь знаменитого, как индийский — было налажено в Иране, в провинции Хорасан²¹⁵. С распространением такого великолепного материала, как булатная сталь, сабля стала меняться, приобретая оптимальные формы. Как прослежено археологами на материалах захоронений причерноморских тюрков, прежние короткие палаша постепенно удлиняются, и появляется все большая кривизна — сабля принима-

ет характерный для нее облик, становится совершенным оружием ближнего боя²¹⁶. Эффективность сабли стала намного большей, чем у меча — она составляла более 80 %; это объяснялось тем, что кривая сабля наносила не просто рубящий, а рубяще-режущий удар. Кроме того, сабля была намного более маневренной, чем меч: при той же длине она была в два-три раза легче²¹⁷.

С появлением сабли наступила эпоха настоящих кавалерийских схваток, когда всадники «рубались» друг с другом, демонстрируя свою технику фехтования. Новая тактика сражений потребовала нового защитного вооружения — у всадников появляются бронированные наплечники и остроконечные шлемы²¹⁸. Искусство сабельного боя в первую очередь было освоено тюркскими гулямами, служившими в войсках среднеазиатских династий, Саманидов и Газневидов. Однако тюркские гулямы быстро передали новое оружие своим степным собратьям, прежде всего, огузам и кипчакам-половцам, кочевавшим в Казахстане и Средней Азии, по соседству с Хорасаном. Арабские историки, писавшие после тюркского завоевания, отмечали прежде всего умение тюрок рубиться саблями. Мирхонд писал, что в некоторых сражениях тюрки сразу же бросались врукопашную, не используя лучников²¹⁹. Раванди отмечал, что страх перед саблями тюрок прочно живет в сердцах арабов, персов, византийцев и русов. Историк XIII века Ибн ал-Ибри описывает тюрок так: «Что касается тюрок, это многочисленный народ; главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искусней всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и в стрельбе из лука»²²⁰.

Наступление степных тюрок на государства исламского мира началось в конце X века. В 999 году тюрки-караханиды почти без сопротивления овладели Мавераннахром²²¹. В 1040 году тюрки-сельджуки разгромили в сражении при Данденакане армию газнийского султана Масуда — и затем, не встречая значительного сопротивления, овладели Ираном и Ираком. В 1071 году сельджуки в битве при Манцикерте нанесли поражение византийской армии и овладели почти всей Малой Азией.

Одновременно кипчаки-половцы развернули наступление в восточноевропейских степях. В середине XI века половцы разгромили печенегов и торков; печенеги бежали на Дунай, а торки (и прежде бывшие союзниками русов) нашли прибежище в киевском пограничье, на реке Роси. В 1060 году половцы совершили первый набег на Русь, а в 1068 году трое русских князей-ярославичей, Изяслав, Святослав и Всеволод, потерпели жестокое поражение от половцев

на реке Альте. Это поражение вызвало новую вспышку борьбы между самодержавием и элитой — между византийской и норманнской традициями. При вести о разгроме собравшиеся на вече киевляне потребовали у князя оружие, чтобы защищать город; князь Изяслав отказал — тогда горожане изгнали князя. Течение кризиса было очень характерным: военное поражение подорвало авторитет самодержавия и киевское вече (о котором прежде ничего не было слышно) внезапно выходит на сцену и вмешивается в дела управления. Изяславу пришлось бежать, но затем благодаря польской помощи он вернул свой престол и расправился с зачинщиками бунта. Тем не менее союз между ярославовичами был нарушен, начались междоусобные войны, и в 1078 году Изяслав погиб в бою под Черниговым²²².

Правление киевского князя Всеволода (1078–1093) было временем постоянных половецких набегов. Половцы не стремились завоевать русские земли; они придерживались той тактики, которую позже использовали крымские татары: кочевники захватывали пленных с целью продажи на рынках портовых городов Крыма²²³. Летопись в трагических тонах описывает судьбу несчастных пленников: «Страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: „Я был из этого города“, а другой: „А я — из того села“»²²⁴. В 1092 году половецкое разорение и засуха привели к голоду и мору; в Киеве погибло по меньшей мере 7 тысяч человек²²⁵.

Всеволод правил самовластно, не слушал совета старших бояр, но благоволил к младшей дружине. Ненавистники обвиняли его в «вымогательствах» и «грабежах»²²⁶ — по-видимому, в тяжелое время князь был вынужден отнимать богатства у знатных, чтобы пополнить казну. Точно так же правил и его преемник Святополк (1093–1113). По свидетельству Киево-Печерского патерика, «много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял»²²⁷. Очевидно, политика конфискаций вызвала конфликт со знатью и, как следствие, репрессии против непокорных. Игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн обличал насилия и «ненасытство» Святополка — за что был заточен в темницу в Турове²²⁸. Однако простой народ любил Святополка, и, когда тот во время войны с Владимиром Мономахом хотел бежать из Киева, киевляне уговорили князя остаться. В «варяжском» Новгороде отношение к самодержавию было иным — новгородцы отказались повиноваться Святополку и не приняли наместником его сына²²⁹.

Таким образом, мы видим здесь предсказанный теорией конфликт между монархом и знатью, в ходе которого монарх опирается на свою гвардию (у Святополка было семьсот отроков) и на простой народ — ситуация, близко напоминающая опричнину Ивана Грозного. Фоном для этого конфликта была бесконечная война с половцами, в которой Святополк долгое время терпел поражения. Эта война осложнялась соперничеством князей: враждебные Киеву черниговские князья вступили в союз с половцами и постоянно призывали их на русские земли. Лишь в 1097 году Святополку и Мономаху удалось на время прекратить распри и объединить русских князей в борьбе с набегами. В 1103 году всеобщее ополчение разгромило половцев на реке Сутьень; в битве погибло двадцать половецких ханов. В 1113 году русское войско прошло в глубь степей до Дона и разгромило половецкие кочевья; после этого набеги стали относительно редкими.

Наступление тюрков было остановлено — но Русь понесла значительные территориальные потери. Были утеряны хазарские завоевания Святослава, Белая Вежа и Тмуторокань. Разорению подверглись южные земли Киевщины; погибли все поселения в юго-восточной части страны северян²³⁰. Массы сельского населения передвигались на северо-восток, уходя из зоны набегов.

Каким образом Руси удалось остановить тюркское нашествие? Очевидно, большую роль сыграло наличие развитой кузнечной технологии: на Руси быстро переняли оружие противника и научились делать сабли из сварной стали. Было освоено производство защитного вооружения, необходимого для сабельного боя, «броней» и остроконечных «шеломов». Конечно, русские сабли уступали хорасанскому булату — но половцы в Причерноморье не могли получать значительное количество оружия из Хорасана; поэтому они были вынуждены пользоваться трофейным русским оружием — это было признание его хорошего качества.

На Руси не только научились делать хорошие сабли — было налажено *массовое производство* оружия. Оружие лишилось украшений и стало изготавливаться серийно, при этом появились специализированные мастерские по производству мечей, луков, шлемов, кольчуг, щитов²³¹. Развернулся процесс массового вооружения горожан — того самого простонародья, которое просило у Изяслава оружие (и которое князь не хотел, да и не мог дать в достаточном количестве). О результатах этого процесса писал И. Я. Фроянов, ссылаясь на «Устав князя Всеволода Мстиславича» (1135 г.): «Если „робичичу“, сыну свободного человека, прижитого от рабыни, даже из „мала живота...“ полагалось взять коня и доспех, то можно смело утверждать, что...

оружие являлось неотъемлемым признаком статуса свободного, независимо от его социального ранга»²³².

Появление многочисленных и хорошо вооруженных городских ополчений позволило отразить нашествие половцев. Другим следствием этих военных преобразований стало изменение соотношения сил между горожанами и дружиной князя: князья лишились возможности диктовать городу свою волю. В итоге горожане стали выбирать на вече князей. Первый прецедент такого рода случился после смерти Святополка, когда киевское вече избрало на престол Владимира Мономаха (1113–1125) — при этом между партиями, представлявшими разные социальные слои, произошло столкновение, и простонародье погромило дворы киевских ростовщиков-евреев. Мономах исполнил пожелания народа, отменил часть долгов и ограничил ростовщический процент. Политика Мономаха была антибоярской, как и политика Святополка: он вызвал новгородских бояр в Киев и заставил их присягнуть на верность, а строптивых бросил в темницу²³³. Княжение сына Мономаха, Мстислава (1125–1132), по выражению С. М. Соловьева было «совершенным подобием отцовского»²³⁴. Но после смерти Мстислава «кончилось спокойствие на Руси»²³⁵, начались усобицы, города стали изгонять одних князей и призывать других, заключая «ряд» с ними. Горожане сами выбирали посадников и тысяцких и постоянно вмешивались в княжеское управление²³⁶.

В 1136 году вспыхнуло восстание в Новгороде, новгородцы отстранили от власти князя Всеволода Мстиславовича и пригласили на правление Святослава Ольговича. Таким образом «варяжский» Новгород установил порядок, тождественный исконному праву свеев «*taga ok vřaka konongr*» — права принимать и сгонять конунгов²³⁷. В. Я. Петрухин полагает, что как киевские, так и новгородские события были восстановлением древней традиции приглашения князей и заключения с ними «ряда» — традиции, на время прерванной византийским самовластием Владимира и Ярослава²³⁸. Новгород всегда сопротивлялся этому самовластию и отстаивал свои скандинавские обычаи, поэтому восстановление «*taga ok vřaka konongr*» означало победу *традиционалистской реакции* — того процесса, который, в теории следует за социальным синтезом. Согласно теории, *традиционалистская реакция* — если она побеждает — *приводит к распаду ксенократической империи на мелкие государства потомков завоевателей*. Таким образом, заимствованное из Византии самодержавие было вынуждено отступить под напором варяжской традиции.

Однако была и другая сторона этих процессов. Как отмечалось выше, в ходе «халдуновского» цикла обычно наблюдается разложе-

ние асабии завоевателей, рост индивидуалистических настроений и потребительства. Новгородский летописец, вспоминая прошлое, писал, что древние князья «не собирали много имения... но если была правая вира, то брали и давали дружине на оружие. А дружина кормилась, воюя другие страны, и, сражаясь, говорила: „Братья, послужим своему князю и Русской земле!“. Не говорили тогда: „Мало нам, князь, двухсот гривен“. Они не возлагали на своих жен золотых обручей, а ходили их жены в серебряных и так преумножили землю Русскую»²³⁹. К XII веку, как видно, многое изменилось: и князья, и дружинники стали искать собственную выгоду.

Обычное развитие демографического цикла в ксенократических государствах подразумевает быстрый численный рост высших сословий, которые начинают испытывать недостаток ресурсов. Начинается борьба за ресурсы, которая, с одной стороны, приводит к феодализации, а с другой стороны — к фракционированию элиты, созданию группировок и междоусобным столкновениям. Таким образом, далее нам необходимо проанализировать демографическую составляющую происходивших процессов.

3.7. ПЕРВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

До X века развитие древнерусского общества определялось по большей части влиянием внешних сил — набегающими с разных сторон культурными кругами и процессами социального синтеза. В X веке начинают проявлять свое действие мощные внутренние факторы. Распространение железных орудий намного облегчило расчистку лесов под пашню, а появление удобной упряжи (хомута) сделало возможным пахоту на лошадях. Эти фундаментальные инновации означали «аграрную революцию», сделавшую возможным быстрое сельскохозяйственное освоение огромных лесных пространств — и, соответственно, быстрый рост населения. По данным археологических раскопок в центральных районах Смоленской области в IX–X веках насчитывалось 30 сельских поселений, в XI–XII веках их число возросло втрое, до 89 ²⁴⁰. В Черниговской земле, в районе Чернигова и Любеча, в IX–X веках существовало 60 поселений, в XI веке было основано еще 55, а в XII — начале XIII века — 45 поселений. Оценивая эти данные, П. П. Толочко говорит о том, что в XII веке первоначально быстрый рост населения стал замедляться, и объясняет это явление относительным перенаселением, уходом избыточного населения в города и в другие, менее населенные районы²⁴¹.

Население уходило на свободные земли Северо-Восточной Руси, где в XI–XII веках развернулся бурный процесс колонизации. Между речью Оки и Волги не подвергалось набегам кочевников, и здесь имелись плодородные земли – своим плодородием в особенности славились владимирское ополье. Специалисты отмечают, что к XII веку значительные площади, покрытые прежде лесами, были превращены в поля. В земле вятичей (долина Оки) в VIII–X веках существовало 30 поселений, в XI – середине XII века – 83 поселения, а в период с середины XII – по середину XIII века – 135 поселений. В московской земле в XI веке археологами зафиксировано только 11 славянских селищ, а в XII веке их число увеличилось до 129. К XIII столетию наиболее удобные земли были уже довольно плотно населены; в районах Костромы, Углича, Кимр деревни отстояли друг от друга на расстояние 3–5 километров²⁴². На Северо-Востоке появились крупные города – Суздаль, Ростов, Владимир. «Я всю Белую (Суздальскую – С. Н.) Русь городами и селами великими населил и многолюдной učinил...», – говорил князь Андрей Боголюбский²⁴³.

По оценке П. П. Толочко, численность населения Южной Руси в начале XIII века составляла около 6 млн. человек. Численность населения северных районов была примерно такой же, а общее количество населения Руси оценивается примерно в 12 млн.²⁴⁴ Для сравнения отметим, что в 1678 году население России составляло около 10 млн. человек, то есть (если верить этим оценкам) было меньше, чем во времена Киевской Руси²⁴⁵.

Уже в IX–X веках рост населения и сведение лесов вызвали постепенный переход от подсечного земледелия к пашенному; коллективный труд на расчистке подсек уступил место индивидуальному труду на семейных наделах; это, в свою очередь, привело к распаду родовой общины. Большие родовые курганы сменились индивидуальными захоронениями, на смену большим родовым деревням пришли группы маленьких деревень и хуторов; община стала соседской, территориальной²⁴⁶. По мнению ряда исследователей, разложение общины уже в этот период привело к становлению индивидуальной собственности на землю – во всяком случае, на Северо-Западе Руси²⁴⁷.

В XI–XII веках рост населения сопровождался дальнейшим разложением общины; в общине растет неравенство, с одной стороны, появляются мелкие вотчинники²⁴⁸, с другой стороны – вынужденные покинуть свои общины «изгой»²⁴⁹. Отсутствие письменных источников, к сожалению, не позволяет судить о причинах этого процесса; можно только предположить, что он был вызван нарастающим малоземельем и войнами. О разорении крестьян говорит распростра-

нение ростовщичества; многие бедняки становятся «закупам» и обрабатывают в счет долга земли крупных собственников²⁵⁰. Появляется крупное землевладение; бояре становятся владельцами вотчин, земли которых обрабатывают рабы, «закупы» и смерды — по-видимому, из числа разорившихся общинников. Дружинники сажают на землю часть рабов, которых прежде предназначали для продажи; уже в конце XI века многие из них имели свои укрепленные усадьбы-замки и села, населенные зависимыми крестьянами и рабами²⁵¹. В те времена работа рассматривалась как принудительный труд раба: слово «робити» означало одновременно «обращать в рабство» и «принуждать к рабской работе»²⁵². «Русская правда» упоминает о рабах гораздо чаще, чем о свободных крестьянах, «смердах»²⁵³ — в хозяйствах знати и горожан работали в основном рабы. Особое место занимало княжеское землевладение; населенные рабами княжеские села упоминаются уже в X веке, в XII веке встречаются описания княжеских имений с многими сотнями рабов и зависимых смердов²⁵⁴. Однако в целом крупных земельных владений было еще немного, основную часть населения составляли свободные общинники²⁵⁵.

Среди всех поселений археологи выделяют укрепленные поселения, распространение которых связано не только с ростом населения, но и с деятельностью государства по подчинению сельского племенного мира. По данным А. В. Кузы, из 862 укрепленных поселений, о которых имеются соответствующие археологические сведения, в IX — начале XI века существовало 181 поселение; в XI — начале XII века — 321 поселение, и в середине XII — середине XIII веков — 758 поселений. Как отмечалось выше, основание Русского государства сопровождалось «окняжением» страны, строительством укрепленных поселений, где стояли гарнизоны сборщиков дани. Первоначальным очагом «окняжения» было Среднее Поднепровье; в середине XII века этот процесс охватил юго-западные земли, бассейн Оки, верховья Днепра и Западной Двины²⁵⁶.

Укрепленные поселения площадью свыше 2,5 га считаются городами. Из 74 городов, существовавших в начале XIII века, 30 появились в IX — начале XI века, а 44 существовали в XI — начале XII века. Увеличивалось не только число городов, но и их размеры; с 1150-е по 1230-е годы защищенная валами территория возросла в Полоцке с 28 до 58 га, в Смоленске — с 10 до 100 га, в Чернигове — с 55 до 160 га, в Киеве — с 80 до 300 га. Владимир, новая столица Северо-Восточной Руси, имел площадь в 150 га²⁵⁷. Растут размеры каменного строительства, за четверть века, в 1188–1212 годах, на Руси было построено 55 каменных храмов, этот рекорд каменного строительства был превзойден толь-

ко два века спустя²⁵⁸. Население Киева, по оценкам исследователей, составляло 40–50 тысяч человек, ²⁵⁹ по численности населения он не уступал крупнейшим городам Западной Европы²⁶⁰. По свидетельству Титмара Мерзебургского, уже в XI веке в Киеве насчитывалось 400 церквей и 8 рынков; Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя, «блестящим украшением Греции»²⁶¹ — к тому времени Русь настолько пропиталась греческой культурой, что европейцы иной раз называли ее Грецией.

В IX–X веках общая площадь всех русских городов (внутри укреплений) составляла 250–300 га, в XI–XII веках — около 600 га, в XII — начале XIII века — более 2000 га. Поскольку внутри городских стен жили преимущественно представители элитных слоев общества (и их слуги), то этот рост является свидетельством огромного увеличения численности элиты. Рост элиты намного превосходил рост сельского населения: на Черниговщине число укрепленных поселений возросло в 5 раз, в то время как число деревень и сел — в 2,6 раза²⁶².

Прежде всего, возросла численность княжеских и боярских родов. В 1093 году летопись отмечает 15 владетельных князей; в начале XIII века их было уже около ста. В период перед монгольским нашествием летописи упоминают 21 потомка киевского князя Святослава Ярославича, 24 потомка князя Всеволода Ярославича — и так далее. Киевская земля была поделена на 10 княжеств, Муромо-Рязанская земля — на 13 княжеств. Возросла и численность боярской верхушки; бояре прежде составляли относительно узкую прослойку, теперь же в отдельных княжествах они числились сотнями — известно, что в Галицком княжестве было более полутысячи знатных бояр²⁶³.

В обстановке междоусобных войн каждый князь был вынужден содержать значительную дружину. По некоторым оценкам, в 1093 году на Руси было 7,5–12 тысяч дружинников²⁶⁴. С конца XI по начало XIII века число князей увеличилось в семь раз — и можно предполагать, что общая численность дружин возросла ненамного меньше. Как отмечалось выше, слабые финансовые ресурсы княжеств не могли обеспечить это воинство, которое могло жить только войной. Прежде дружины ходили за добычей в дальние заграничные походы — но с приходом половцев им пришлось перейти к обороне. Русские дружины стали терпеть поражения в битвах, путь для грабительских набегов был закрыт — и единственным способом прокормить дружину стала междоусобная война.

К середине XI века Русская земля была уже не та, что двести лет назад, в эпоху варяжского завоевания. Русы окончательно ославянились, и этнические различия превратились в социальные и сослов-

ные. Многие потомки варягов обеднели, младшим сыновьям младших братьев не находилось места в дружине; они становились мелкими торговцами или ремесленниками, постепенно смешиваясь с притекавшим в города деревенским населением. Основную часть населения городских посадов теперь составляли ремесленники, которых князья презрительно называли «смердами» или «плотниками»²⁶⁵. Ремесленники селились группами по сходству профессий и занимали целые районы, к примеру, Гончарский конец или Щитная улица в Новгороде, квартал Кожемяки в Киеве²⁶⁶. Раскопки кожевенных мастерских в Новгороде наглядно показывают, как вместе с ростом города росло ремесленное производство: в слоях с середины XI до конца XII века количество находок кожаной обуви возрастает в 5 раз²⁶⁷.

В XII веке по-прежнему существовала резкая грань, которая разделяла города и сельское население, отделяла «мужей» от «смердов». Города оставались наследниками крепостей, некогда построенных завоевателями-русами; их население, ославянившиеся потомки русов, не платило налогов, той дани, которая составляла удел смердов²⁶⁸. На городское вече допускались лишь жители городов, смердам там не было места²⁶⁹. С точки зрения горожан, смерды — это были бесправные данники, а при случае — военная добыча²⁷⁰. Характерно, что русское слово «гражданин» происходит от слова «горожанин»²⁷¹ — крестьяне не имели гражданских прав.

Князья поручали боярам осуществлять управление и собирать дань с отдельных волостей, при этом оставляя часть ее в свою пользу²⁷². Как отмечалось ранее, новгородцы, еще при Ярославе добились резкого уменьшения отсылаемой в казну доли даней. Позднее в договорных грамотах Новгорода с князьями появилось условие «а мужа без вины волости не лишать»²⁷³, то есть право на сбор дани стало пожизненным. Это было характерное проявление процесса *феодализации* — однако недостаток источников не позволяет более подробно проследить за протеканием этого процесса.

Наряду с ремеслом важную роль в жизни городов продолжала играть торговля — в особенности работорговля. Прорыв тюрок-половцев в Причерноморье стал серьезным препятствием для торговли с Византией; киевским князьям приходилось чуть ли не каждый год спускаться с дружиной по Днепру, чтобы проводить и встретить купцов-«гречников»; в середине XII века князь Мстислав Изяславович говорил о том, что половцы «пути отнимают»²⁷⁴. Впрочем, сами князья, по-видимому, уже не участвовали в этой торговле: в XI–XII веках дань собиралась не мехами, как прежде, а серебром²⁷⁵, походы на Царьград прекратились, и князья уже не заключали торговых

договоров с Византией. Сократились и объемы работорговли; после принятия христианства начались затруднения с продажей рабов в Константинополе — там неохотно покупали людей своей веры, православных²⁷⁶. О резком уменьшении торговли говорит сокращение числа находок византийских монет в Среднем Поднепровье: число находок монет, отчеканенных в 1078–1181 годах, в 3,5 раза меньше, чем монет предшествующего столетия²⁷⁷.

Сокращение торговли означало уменьшение ресурсов элиты — при том, что ее численность значительно возросла. Демографически-структурная теория утверждает, что падение доходов элиты вызывает резкое усиление внутриэлитной конкуренции, борьбу за перераспределение ресурсов за счет уменьшения доли государства и народа, фракционирование элиты и столкновения различных группировок; в конечном счете эти процессы могут вызвать *структурный кризис*. Мы наблюдаем на Руси все эти явления: борьбу между боярами и государством (то есть князьями), порабощение какой-то части населения и создание рабовладельческих хозяйств, появление местных боярских группировок: бояре каждого города стремились самостоятельно собирать дань и при случае захватывать рабов во владениях другого города. Это привело к вспышке междоусобных войн. Войны между князьями и городами велись за захват добычи — прежде всего, полона. «Усобицы князей вовсе не были случайным последствием их драчливости, — писал М. Н. Покровский, — на полоне держалась вся торговля»²⁷⁸. Под 1149 годом летопись говорит о взятии князем Изяславом Мстиславовичем 7 тысяч пленных, а в 1160 году Изяслав Давыдович, воюя в Смоленской области, взял 10 тысяч пленных. Во время войны с Новгородом, в 1169 году, суздальцы «села вся взяша и пожгоша и люди по селам исекоша, а жены и дети, именья и скот поймаша»²⁷⁹. После поражения суздальцев, их, в свою очередь, продавали в Новгороде по 2 ногаты за человека — то есть дешевле овцы²⁸⁰.

Враждующие князья часто звали в союзники половцев, которые грабили и жгли села, уничтожали или уводили в полон население. В 1135–1139 годах черниговский князь Всеволод Ольгович трижды водил половцев на Киев и Переяславль; при этом кочевники грабили всех подряд, в том числе и черниговцев. В конце концов черниговцы встали против своего князя, заявив ему: «Ты надеешься бежать в половце, а волость свою погубиши»²⁸¹. С 1148 года в борьбу вмешался суздальский князь Юрий Долгорукий, который восемь раз приводил половцев на южные княжества — и каждый раз они собирали большой полон²⁸². Усобицы и половецкие набеги привели к запустению Черниговской земли, где в городах жили только «псары да половцы».

За 50 лет, в 1150–1200 годах, в Киеве 30 раз менялись князья. Ключевым событием в этой серии войн было взятие Киева в 1169 году войсками Андрея Боголюбского; древняя столица Руси была разграблена, а жители уведены в плен²⁸³.

В конце концов половецкие орды возродили традицию ходить за добычей на Русь; захват полона стал для них способом существования. Половецкие «вежи» были наполнены русскими рабами, наложницами-«чагами» и слугами-«колодниками»²⁸⁴. Толпы славянских пленников гнали в Крым, где вырос большой работорговый порт, Судак. «Это город кипчаков, — свидетельствует Ибн-ал Асир, — из которого они получают свои товары... на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха... и другие предметы»²⁸⁵. Из Судака рабов везли в порты Средиземноморья; Вениамин Тудельский рассказывал о продаже славянских девушек в далекой Александрии²⁸⁶. Помимо Судака, другим работорговым центром был оживший после упадка предыдущих времен Булгар; торговля рабами процветала и в половецком Саксине на нижней Волге²⁸⁷.

Психологическую атмосферу эпохи междоусобиц хорошо передает послание Серапиона Владимирского: «Даже язычники, божьего слова не знающие, не убивают единоверцев своих... мы же считаем себя православными... и неправды всегда преисполнены и зависти и немилосердия: братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем...»²⁸⁸

Структурный кризис, обеднение элиты и междоусобные войны отразились на динамике каменного строительства (рис. 3.3). В 1163–1187 гг. мы наблюдаем значительное (примерно в два раза) сокращение строительства в южных, западных и северо-восточных областях, в то время как в Новгороде, менее зависевшем от днепровских и волжских торговых путей, наоборот, имело место увеличение строительной активности.

Структурный кризис 60–80-х годов XII века не привел к общему экосоциальному кризису: несмотря на потери, площадь Киева и Чернигова в 1150–1230 гг. значительно увеличилась. Число сельских поселений в XII веке также увеличилось, в особенности, на Северо-Востоке, где продолжался бурный процесс земледельческой колонизации. Как видно из данных о динамике строительства, в конце XII века временный упадок сменился подъемом. Однако дезинтеграция некогда мощного государства имела губительные политические последствия. К 1230-м годам Русь была поделена едва ли не на сотню мелких княжеств, которые не могли противостоять не только монголам, но и наступавшим с запада намного более слабым литовцам²⁹⁰.

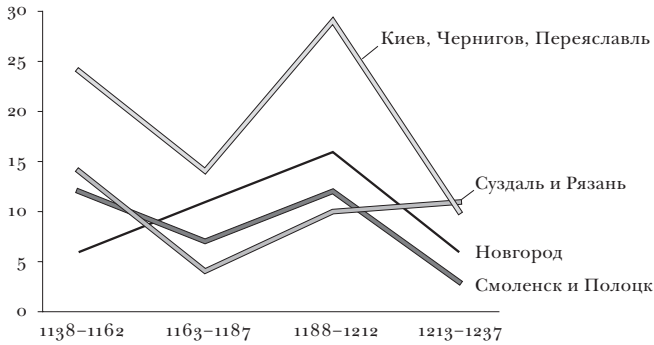

рис. 3.3. Динамика монументального строительства в отдельных городах Руси (количество построенных зданий по четвертям столетия)²⁸⁹.

3.8. ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РУСИ

Структурный кризис привел к упадку византийской монархической традиции в Южной Руси, но она нашла убежище на колонизируемом Северо-Востоке. Боярская элита на Северо-Востоке была немногочисленна и слаба, здесь было лишь два старых вечевых города, Ростов и Суздаль, поэтому здесь не могло наблюдаться таких проявлений традиционализма, как в «варяжском» Новгороде, и столь жесткой конкуренции между боярскими группировками, как на Юге. После распада Киевского княжества при Ярополке (1132–1139) Северо-Восток достался сыну Владимира Мономаха Юрию Долгорукому, который во время междоусобной войны в 1154 году овладел Киевом. Сын Юрия Андрей после смерти отца не стал бороться за Киев, а, взяв с собой самую большую святыню Руси, знаменитую икону Божьей матери, вернулся на свою родину. В «Сказании о чудесах иконы Владимирской божьей матери» это перенесение святыни рассматривалось как перенос Божественной благодати из Киева на новую волость²⁹¹ — что можно трактовать как символический акт перемещения византийской религиозной и монархической традиции на Северо-Восточную Русь.

Первым делом князя Андрея Боголюбского (1157–1174) было изгнание старших бояр своего отца, которые пытались вмешаться в управление. «Се же створи, хотя самовластец быти всей Суздальской зем-

ли», — говорит летопись²⁹². Следуя примеру боровшихся со знатью древних монархов, Андрей Боголюбский построил новую столицу — город, где не было старой знати. Этой столицей стал Владимир на Клязьме; здесь, на далекой окраине Руси, Андрей Боголюбский пытался копировать Киев и Константинополь; он воздвиг Золотые Ворота и Успенский собор, который превзошел своими размерами киевскую Святую Софию²⁹³. Князь Андрей во многом подражал рыцарственному императору Мануилу Комнину; так же, как Мануил, он по-рыцарски сражался в первых рядах, и вооружение князя — кавалерийское копьё и латы — это было рыцарское вооружение, введенное в византийской армии Мануилом²⁹⁴. Одержав 1 августа 1164 года большую победу над болгарами, Андрей Боголюбский ввел праздник Спаса — по примеру Мануила, назначившего такой же праздник после победы над сарацинами²⁹⁵. Не вполне ясно, как при жизни титуловался князь Андрей — но «Сказание о чудесах...» именует его «князем всея Руси» и «царем»²⁹⁶. Характерно, что, говоря о князе Андрее, летописец цитирует одного из основоположников доктрины самодержавия, законоведа VI века Агапита: «Природой земной царь подобен любому человеку, но властью сана он выше — как бог»²⁹⁷. Это уподобление царя богу появляется на Руси впервые и говорит о глубине византийского влияния на русское общество.

Андрей Боголюбский не только строил церкви, но и пытался завести своего митрополита, владыку Федора. Однако киевские иерархи обвинили Федора в ереси и подвергли его жестокой казни — тогда князь Андрей послал своего сына Мстислава «взять на шит Киев». Победители разграбили церкви и увезли во Владимир «все книги и ризы». Увели также и мастеров, строителей и ювелиров, которые позже украшали владимирские соборы²⁹⁸.

По-видимому, это разграбление Киева должно было подтвердить утрату «благодати» падшей столицей и перенесение ее во Владимир. В то же время это был страшный удар по киевскому боярству, долгое время бывшему источником смуты. Согласно теории, устранить диспропорцию между имеющимися ресурсами и потребностями элиты можно было либо путем закрепощения крестьян, либо путем сокращения численности элиты в междоусобных войнах. По аналогии со Столетней войной во Франции и «войной роз» в Англии можно предположить, что сокращение численности элиты было одной из главных причин постепенного затухания междоусобиц в конце XII века.

Подобно Всеволоду и Святополку Андрей Боголюбский управлял с помощью своей младшей дружины, «отроков» и «дворовых людей», «дворян». Князь до такой степени не доверял боярам, что запретил им

сопровождать себя на охоте. Противостояние дошло до того, что бояре перестали участвовать в походах князя. В конечном счете группа бояр организовала заговор, и Андрей Боголюбский был убит в своем дворце — это было первая на Руси расправа знати над своим царем²⁹⁹.

После убийства Андрея Боголюбского бояре поставили князьями двух его слабых племянников. «Старшие города Ростов и Суздаль и все бояре хотели свою правду поставить, не хотели сотворить правды Божьей», — говорит летопись³⁰⁰. Но «меньшие люди владимирские» присягнули законному наследнику, брату Андрея, Михаилу, а потом, после смерти Михаила, другому брату, Всеволоду. «Меньшие люди», городское простонародье, представляло собой новую политическую силу, которая уже проявляла себя противовесом боярам в Киеве и Новгороде. При этом в результате всеобщего вооружения Руси эти «холопы-каменщики», как их называли бояре, имели оружие. Битва на Юрьевском поле (1177 г.) закончилась разгромом боярских дружин; часть бояр была перебита, другие взяты в плен, победители взяли боярские села, коней, скот. Боярская партия надолго сошла с политической сцены; князь Всеволод Большое Гнездо (1177–1212) стал таким же «самовластцем» Владимиро-Суздальской земли, каким был его брат Андрей Боголюбский³⁰¹.

Таким образом, ко времени монгольского нашествия на Северо-Востоке Руси еще удерживалась византийская традиция, принесенная на Русь Владимиром Святым. На северо-западе, напротив, с победой традиционалистской реакции восторжествовали варяжские традиции Новгорода Великого. В Южной Руси существовал еще один центр византийской традиции — Галицкая Русь, но монгольское нашествие отделило эти территории от Великороссии, и их история, также как история опустошенной монголами Киевщины, уже не имела существенного значения для становления будущего Московского царства.

3.9. ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Источники содержат сравнительно мало данных об экономическом развитии в домонгольский период. В «Русской Правде», помещенной в новгородской летописи под 1016 годом, указаны некоторые цены, например, цена лошади — 1,2 гривны, вола — 1 гривна, коровы — 0,8 гривны, барана — 1 нога (1/20 гривны)³⁰². Об уровне заработной платы в Киеве говорит то обстоятельство, что Ярослав Мудрый нашел работников для строительства Святой Софии, лишь предложив платить по ногате в день. На одну ногату тогда можно было купить

барана — так или иначе, это была щедрая плата; уровень жизни в Киеве был очень высоким.

Цены первой половины XII века приводятся в «Русской правде», в это время лошадь стоит 3 гривны, корова — 2 гривны, овца — 6 ногат, баран — 10 резан (резана — $\frac{1}{50}$ гривны)³⁰³. В среднем цены возросли в 3 раза, причем этот рост не мог быть следствием падения стоимости серебра: как отмечалось выше, приток арабского серебра прекращается в конце X века, и в XI веке отмечается острая нехватка монеты. «Русская правда» содержит и указание на уровень заработной платы: «жинка» (батрачка) зарабатывала за лето одну гривну³⁰⁴. Исходя из сложившихся соотношений между платой за лето и поденной платой, а также между оплатой труда мужчин и женщин, можно заключить, что поденная плата батрака-мужчины равнялась $\frac{1}{2}$ ногаты³⁰⁵. Считается, что данные карамзинского списка относятся к Новгородчине³⁰⁶, и, таким образом, приходится сделать вывод, что в первой половине XII века уровень реальной заработной платы в Новгородской земле был в несколько раз ниже, чем за столетие назад в Киеве.

Здесь необходимо отметить существование значительных порайонных различий в уровне жизни и динамике экономического развития. Одна из берестяных грамот начала XII века содержит письмо новгородца, отправленное из Смоленска. Сын пишет родителям, предлагая приехать к нему в Смоленск или прямо в Киев, куда он держит путь, и где «дешев хлеб»³⁰⁷. Киевщина была изобильным краем, и киевские летописи после правления Святополка ни разу не говорят о голоде или дороговизне³⁰⁸. Между тем в Новгороде первый голод отмечают уже в 1128 году: кадь ржи стоила 8 гривен, люди ели кору и листья, на улицах лежали трупы. Однако затем голод не упоминается до конца столетия; летописец сообщает лишь о годах хлебной дороговизны: в 1170 году из-за войны прекратился подвоз хлеба из Суздальщины, и кадь ржи стоила 4 гривны; чтобы закончить эту войну, новгородцы заменили своего князя на суздальского ставленника³⁰⁹. В 1188 году кадь стоила 6 гривен, то есть в пять раз больше, чем в 1137 году; при этом летопись не говорит о неурожае; летописец лишь радуется, что дороговизна не вызвала волнений³¹⁰. Имеются сведения и о росте цен на другие товары: относящаяся к этому периоду берестяная грамота говорит о покупке коровы за 3 (или даже за 8) гривен³¹¹. Рост цен был вызван ростом населения Новгорода; в середине XII — начале XIII века город увеличивается в размерах, рядом со старыми кварталами появляется «окольный город», который опоясывают новые городские стены. Площадь внутри этих стен составляет 200 гектар, и специалисты оценивают население Новгорода в 30–35

тысяч человек³¹². В то же время на селе сложилась иная ситуация: по имеющимся данным, население долины реки Ловати не только не возросло, но даже уменьшилось³¹³. Это обстоятельство, по-видимому, объясняется «выпахиванием» земли при примитивном пашенном земледелии; вековые леса были в основном сведены, подсечное земледелие стало невозможным, а урожай на пашне не превосходил сам-4 — в несколько раз меньше, чем на подсеке или на перелог³¹⁴. Урожаи падали, и постепенно нарастала нехватка продовольствия; купцы привозили зерно в Новгород из Смоленска, Полоцка, Суздаля и даже «из-за моря»³¹⁵. К этому времени относится обострение социальной розни: в 1207 году новгородцы поднялись на посадника Дмитра и близких к нему бояр, разграбили их дворы, отняли и распродали села и челядь, а деньги поделили, так что досталось по 3 гривны «всему городу»³¹⁶. В 1215 году неурожай и прекращение подвоза хлеба с Суздальщины привели к большому голоду: кадь ржи продавалась по 10 гривен, люди ели сосновую кору и мох, трупы лежали на улицах, население бежало из города³¹⁷. С этого времени голодные годы повторяются с устрашающей регулярностью. Под 1224 годом Псковская летопись говорит о «великом гладе»³¹⁸. В 1228 году зерно вздорожало до 3 гривен за кадь; все лето шли дожди; архиепископ Арсений пытался остановить беду «ночным бдением и молитвами», но не смог — тогда новгородцы свели его с «владычена двора». Затем гнев вече обратился на тысяцкого, его родню и причастных к власти бояр; их дворы были разграблены голодающим простонародьем; князь Ярослав Всеволодович уехал из города, а на княжение пригласили князя Михаила из Чернигова. Михаил Черниговский призвал смердов, бежавших от голода, вернуться в свои погосты и обещал им освобождение от дани на пять лет; характерно, что это было первое со времен Владимира Мономаха упоминание в летописи о попытке облегчить участь смердов; кризис заставлял идти на уступки низшим классам³¹⁹.

Однако голод 1228–1229 годов был лишь предвестником катастрофы, наступившей в 1230 году. «Изби мразь на Въздвижение честнаго хреста обилье по волости нашей, — повествует летописец, — и оттоль горе уставися велико: почахомъ купити хльбъ по 8 кунь, а ржи кадь по 20 гривенъ... И разидеся градъ нашъ и волость наша, и полни быша чужии гради и страны братье нашей и сестръ, а останкъ почаша мерети. И кто не просльзитъся о семь, видяще мъртвця по уличамъ лежаща, и младънца от псъ изедаемы»³²⁰. Отцы и матери отдавали детей за хлеб; люди ели трупы и падаль, началось людоедство, на улицах нападали на прохожих. Вспыхнули голодные бунты, князь с посадником бежали в Торжок, дворы посадника и многих

бояр были разграблены, а их богатства поделили между голодающими. Вместе с голодом пришел страшный мор. Архиепископ поставил скудельницу, и вскоре в нее собрали 3300 трупов, пришлось поставить вторую скудельницу, куда положили 3500 тел, затем поставили третью³²¹. По летописи церкви Двенадцати апостолов в одной из братских могил было погребено 33 тысячи трупов, а «всего в Новгороде померло народу» 48 тысяч человек³²² — вероятно, не только новгородцев, но и голодающих, пришедших из деревень. Голод охватил и Смоленщину, в Смоленске умерло по меньшей мере 32 тысячи человек³²³.

Как оценить масштабы этой катастрофы? Если в Новгороде проживало 30–35 тысяч, а в трех скудельницах было захоронено 10 тысяч умерших, то погибла примерно треть населения (однако летопись Десятиной церкви говорит, что жертв было больше). После катастрофы в Новгороде наступило время упадка, число берестяных грамот, найденных в раскопах, сокращается вдвое, число находок обуви — на треть³²⁴. Намного, иногда более чем вдвое, сокращается количество других находок — пряслиц, стеклянных бус, браслетов, янтаря, металлических изделий. Количество каменных зданий, построенных в 1213–1237 гг. сократилось по сравнению с предшествующей четвертью столетия в Новгороде в 2,5 раза, в Смоленске и Полоцке — в 4 раза. В последующую четверть века во всех этих городах вообще не строили каменных зданий³²⁵. На Смоленщине во второй половине XIII века запустело 45 из 99 известных археологам поселений³²⁶. Ни Смоленщина, ни Новгородчина не были затронуты монгольским нашествием, и эти цифры являются свидетельствами катастрофы другого рода — *демографической катастрофы, которая произошла до нашествия*.

Десятилетия перед монгольским нашествием были тяжелыми и для южной Руси. В 1203 году Киев был второй раз разграблен войсками князей, которые на этот раз привели с собой половцев. После этого разгрома Киев и вся Юго-Восточная Русь долгое время переживали упадок, масштабы каменного строительства в этих областях сократились в 2,5 раза (см. рис. 3.2).

В отличие от Новгорода и Киева Северо-Восточная Русь не испытывала кризиса, здесь было много свободных земель, и данные о каменном строительстве говорят о стабильном экономическом развитии этого региона (рис. 3.2). Однако именно на эти области пришелся первый страшный удар Орды. Из 74 русских городов 49 были разорены монголами, 14 из них так и не поднялись из пепла, а 15 превратились в села. Монгольское нашествие отличалось от других на-

шествий тем, что завоеватели проводили целенаправленную политику геноцида. В Московской земле погибло $\frac{2}{3}$ всех селений, в земле вятичей — $\frac{1}{10}$ ³²⁷. Папский посол Гильом Рубрук писал, что «татары произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они заняли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существуют там двести домов...»³²⁸ В Киеве прежде было около 50 тысяч жителей, после нашествия уцелело 200 домов и, может быть, тысяча обитателей. Киевское летописание прервалось, в Южной Руси начались «темные века», развитие оказалось отброшенным на триста или четыреста лет назад.

3.10. ВЫВОДЫ

Переходя к анализу социально-экономической истории Киевской Руси, необходимо отметить, что эта история начинается с норманнского завоевания и *социального синтеза* норманнских и славяно-хазарских традиций. Диффузионистская теория объясняет волну норманнских завоеваний появлением фундаментальной военной инновации, дракара. Как это обычно бывает, в результате *социального синтеза* завоеватели приняли язык местного населения и превратились в военное сословие нового государства; это сословие называлось русью, русы жили в построенных ими городах-крепостях и собирали дань с местного населения. Русь переняла многие традиции Хазарского каганата, и в частности, систему сбора дани мехами с последующей ее реализацией на зарубежных рынках. В дальнейшем завоеватели добавили к этой системе работорговлю; они ходили в набеги на дальние, еще непокоренные славянские племена, захватывали пленных и снаряжали торговые экспедиции по реализации рабов и мехов в Константинополь и в Булгар.

В то же время для подчинившихся руси славянских племен господство завоевателей было не слишком обременительным: установленная русами дань была невелика, и они почти не вмешивались в жизнь славянских общин — главным образом потому, что созданное русами государство было слабым и не имело развитых механизмов эксплуатации покоренного населения. Существенно также и то, что норманнская диффузионная волна принесла с собой развитую метал-

лургию железа; появившиеся в изобилии железные орудия намного облегчили расчистку лесов. Вместе с распространением новой лошадиной упряжи это позволило перейти от подсечного земледелия к пахотному и обусловило быстрый рост населения.

В X веке волна завоеваний норманнов и русов столкнулась с другой завоевательной волной, вызванной распространением тяжелой кавалерии. Главной «кавалерийской» державой в то время была Византийская империя, и могущество Византии породило процесс трансформации по византийскому образцу, который охватил многие страны Восточной Европы — в том числе и Киевскую Русь. Трансформация по византийскому образцу принесла на Русь православную греческую культуру и элементы монархической традиции. Русские князья подражали византийским императорам и пытались регулировать отношения между сословиями в соответствии с христианскими идеалами социальной справедливости. Однако попытки установления самодержавия вызвали *традиционалистскую реакцию* — прежде всего в приверженном варяжским традициям Новгороде. Другим характерным процессом была *феодализация* — стремление бояр «приватизировать» сбор дани в волостях. Параллельно этим процессам, описываемым в рамках диффузионистской теории, работали *механизмы демографического цикла*. Быстрый численный рост военно-торгового сословия в сочетании с сокращением работорговли вызвал оскудение элиты и ее стремление увеличить свои ресурсы за счет государства и народа. В соответствии с демографически-структурной теорией, началось фракционирование элиты, проявившееся, прежде всего, в стремлении отдельных городских общин самостоятельно собирать дань с окрестных территорий и при случае захватывать пленников в чужих землях. В середине XII века этот процесс привел к распаду Киевской Руси на удельные княжества, к установлению вечевых порядков и к междоусобным войнам — к продолжительному *структурному кризису*.

Однако в отдельных регионах, в частности, на Северо-Востоке Руси, удержались византийские традиции предшествовавшего периода. В колонизируемых областях Северо-Востока боярство было слабым, и монархия смогла опереться на низшие слои городского сословия; в итоге бояре здесь потерпели поражение и надолго сошли с политической сцены.

В то время как на Северо-Востоке не было недостатка в земле, на Новгородчине в XII–XIII веках ресурсы развития сельского хозяйства были уже исчерпаны. Таким образом, в северных областях мы наблюдаем ситуацию, характерную для классического демографического цикла.

Первая фаза демографического цикла, *период внутренней колонизации*, характеризуется такими признаками, как относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, низкие цены на землю, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел. Эти признаки характерны для Юга Руси в течение всего домонгольского периода, но на Новгородчине — только до середины XII века. После середины XII века на севере Руси начинается *Сжатие*, мы наблюдаем приостановку роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, разорение крестьян-собственников, рост крупного землевладения, рост ростовщичества, распространение долгового рабства, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, высокие цены на хлеб, голодные бунты и восстания. Наконец, в 1207–1230 годах в Новгородская земле наблюдаются характерные признаки *экосоциального кризиса*: голод, эпидемии, восстания, гибель больших масс населения, принимающая характер *демографической катастрофы*, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

Наличие этих характерных признаков позволяет утверждать, что социально-экономическое развитие северных областей Руси протекало в рамках классического демографического цикла. На Юге демографический цикл прошел лишь первую фазу и был прерван монгольским нашествием.